

рія Самозванца. Формулюючи взглядъ русскихъ книжниковъ и представителей церкви, авторъ старается въ возможныхъ случаяхъ отмѣтить, что источникомъ и основаніемъ ихъ воззрѣній служила Библия. Въ заключеніи авторъ еще разъ сопоставляетъ взглядъ на государство и главу его у евреевъ и въ русской письменности. Оказывается мало сходства и много различія, особенно въ отношеніи русскихъ вѣщеносцевъ къ церкви и дѣламъ вѣры. По признанію автора, отношеніе это—наслѣдіе Византии. Принимая во вниманіе, что идея богоизбранности народовъ существовала и въ Византии и отсюда несомнѣнно заносилась на Русь и путемъ письменности, и практически, чрезъ представителей русской церкви изъ грековъ, настояла нарочитая необходимость не только указать, но и доказать, что библейскія цитаты подбирались не въ подтвержденіе готовой идеи, не формулировали только эту идею, но и порождали ее. Авторомъ этого, по крайней мѣрѣ надлежащимъ образомъ, не сдѣлано.

При всемъ томъ сочиненіе студента Державина—трудъ хорошій, добросовѣстный и умѣлый. Стилъ въ общемъ правильный и легкій; иностранныя слова употребляются съ возможною разборчивостію. Искомой степени кандидата богословія студентъ Державинъ вполнѣ заслуживаетъ“.

15) О сочиненіи студента Ивана *Зеленкевича* на тему: „Апологиіи отцовъ и учителей церкви I—III вѣка и ихъ значеніе для настоящаго времени“.

а) Доцента С. Песоцкаго:

„Обширное сочиненіе свое авторъ начинаетъ введеніемъ (стр. I—VIII), въ которомъ говоритъ о задачѣ своего изслѣдованія и объ интересѣ предмета его. Самое изслѣдованіе свое авторъ, сообразно поставленной въ заглавіи сочиненія темѣ, дѣлитъ на двѣ, впрочемъ весьма неравныя по своему объему части. Основнымъ предметомъ первой, обширнѣйшей части со-

Журналы.

чиненія служатъ вопросы объ исторіи, характерѣ и содержаніи древне-христіанскихъ апологій I—III в. Въ виду обилія матеріала, подлежавшаго изслѣдованію въ этой части, авторъ подраздѣлялъ ее на семь главъ. Въ первой, небольшой главѣ (стр. 1—11) говорится объ апологетическихъ писаніяхъ I вѣка, вѣка мужей апостольскихъ, ихъ происхожденіи, характерѣ и значеніи для своего и для послѣдующихъ временъ. Такъ какъ писанія вѣка мужей апостольскихъ по своему содержанію не могутъ быть отнесены къ разряду писаній строго-апологетическихъ, то авторъ, естественно, не останавливается на частнѣйшемъ обзорѣниі отеческой письменности этого времени и характеризуетъ главнымъ образомъ *значение* ея въ исторіи древне христіанскихъ апологетическихъ произведеній. Обзорѣніе апологетическихъ твореній послѣдующаго времени (II и III в.), какъ твореній въ большинствѣ уже строго-апологетическаго характера, ведется у автора съ большею обстоятельностью. Во II-й главѣ (стр. 12—45) авторъ говоритъ объ историческихъ причинахъ происхожденія и развитія обширной апологетической письменности во II и III вв. и о значеніи этого періода въ исторіи христіанской апологетики; въ III главѣ (стр. 46—66) идетъ рѣчь о самой исторіи появленія древне-христіанскихъ апологій II и III вв.; въ IV главѣ (стр. 67—115)—объ отличительномъ характерѣ апологій восточныхъ и западныхъ, ихъ общемъ содержаніи, задачѣ и методѣ. Съ V главы начинается частнѣйшее обзорѣніе апологій II и III вв., ихъ содержанія, задачи, характера и особенностей. Въ V главѣ (стр. 116—204) обзорѣваются апологіи восточныхъ церковныхъ писателей—Іустина Мученика, Татіана, Авіаннора, Теофила Антиохійскаго, Эрмія и апологетовъ полемистовъ—св. Прицея Ліонскаго и св. Ипполита; въ VI главѣ (стр. 205—340) идетъ рѣчь объ апологіяхъ западныхъ церковныхъ писателей—Тертулліана, Минуція Феликса, Ариобія, Лактанція; въ VII главѣ (стр. 341—417) обзорѣваются апологетическія произведенія представителей

александрійской школы III вѣка—Пантена, Климента Александрійскаго, Оригена. Предметомъ второй части сочиненія (стр. 418—481) служить вопросъ о значеніи для настоящаго времени древнихъ апологій, какъ историческихъ памятниковъ и главное, какъ произведеній, положившихъ во всякомъ случаѣ *основаніе*, а у александрійскихъ апологетовъ даже и *научное* основаніе для апологетическихъ трудовъ и послѣдующихъ временъ.

Какъ видно изъ этого общаго очерка содержанія сочиненія г. Зеленкевича, авторъ обозрѣлъ предметъ своего изслѣдованія широко и поставилъ его на надлежащую и устойчивую почву. Обзорѣніе матеріала ведется у автора въ общемъ исторически, положенія и выводы его обосновываются на надлежащихъ свидѣтельствахъ и иллюстрируются выдержками изъ твореній древне-христіанскихъ церковныхъ писателей, отъ чего получается не только обстоятельность изслѣдованія, но и интересъ чтенія его. Преимущественный интересъ представляетъ собою, конечно, вторая часть сочиненія, гдѣ говорится о значеніи древне христіанскихъ апологій для настоящаго времени; и этой части авторъ постарался придать возможную обстоятельность: онъ знакомитъ читателя съ возраженіями новѣйшихъ представителей отрицательной критики (Штрауса, Ренана, Баура, Шенкеля, Гарнака и др.), чтобы показать, что и въ ихъ сочиненіяхъ есть много элементовъ еще древнихъ возраженій противъ христіанства и что и противъ новѣйшихъ враговъ Христа могутъ быть примѣнимы, слѣдовательно, тѣже доводы, какіе противопоставлялись еще древне-христіанскими апологетами противъ своихъ современниковъ—язычниковъ и іудеевъ. Авторъ, правда, имѣлъ при своей работѣ не мало хорошихъ пособій, которыми онъ пользовался въ изобиліи; но при этомъ пользованіи много времени и труда отдалъ авторъ и первоисточникамъ, сообщивъ тѣмъ своему сочиненію свою долю цѣнности. Разумѣется, можно указать въ сочиненіи нѣкоторыя

частности, которыя могли бы быть представлены въ лучшемъ видѣ; напр., во второй части сочиненія слѣдовало бы съ *большою* рельефностью провести связь между основными положеніями новѣйшей рационалистической критики и возраженіями противъ христіанства древнѣйшихъ враговъ его; тогда и современное значеніе древне-христіанскихъ апологій представилось бы *большимъ*, чѣмъ оно оказывается на самомъ дѣлѣ у автора; съ тою же цѣлію лучше было бы нѣкоторыя частнѣйшія положенія и выводы автора, сдѣланные въ первой части его сочиненія, перенести во вторую, гдѣ они болѣе уместны; далѣе, авторъ привнесъ въ свое сочиненіе нѣкоторыя положенія чисто патріотическаго рода, для сочиненія по исторіи апологетики не имѣющія значенія. Но это—частности, на которыя авторъ, думаемый, не обратилъ должнаго вниманія только по недостатку времени, имѣвшагося у него для прочтенія и приведенія въ систему того обширнаго и разнообразнаго матеріала, съ какимъ приходилось ему имѣть дѣло. Общее же впечатлѣніе отъ сочиненія г. Зеленкевича очень благопріятное: стройность плана, логическій распорядокъ матеріала, литературное изложеніе его вполне располагають къ себѣ читателя. Замѣченные ошибки противъ этимологіи и синтаксиса не имѣють существеннаго значенія.

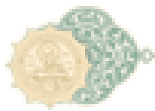
Въ виду указанныхъ достоинствъ сочиненія г. Зеленкевича я признаю его очень хорошей кандидатской диссертацией“.

б) Экстраординарнаго профессора А. Булгакова:

„Студенту Зеленкевичу нужно было, — безъ сомнѣнія, — очень много положить труда, чтобы представить такое большое сочиненіе, какимъ является его произведеніе. Такой большой трудъ конечно имѣлъ бы и весьма большую научную цѣнность, если бы онъ отъ начала до конца былъ плодомъ самостоятельнаго научнаго изслѣдованія твореній древнихъ христіанскихъ

апологетовъ. Но у него было, по его собственному заявленію, такъ много помощниковъ, что онъ былъ смущенъ невозможно-стію найти интересъ къ изслѣдованію памятниковъ столь сѣдой древности, потому что не только заграницею, но и въ нашемъ отечествѣ они подвергались всестороннему изученію. Конечно, это давало возможность ему значительно облегчить свой трудъ и гораздо яснѣе опредѣлить отношеніе современнаго антихристіанства къ древнему язычеству, — именно: совпаденіе задачъ современной апологетической дѣятельности съ задачами, которыя приходилось разрѣшать и древнимъ апологетамъ. Древнія апологетическія творенія онъ обозрѣваетъ послѣдовательно: въ хронологическомъ порядкѣ: 1) вѣкъ мужей Апостольскихъ; 2) и послѣдующія времена до признанія христіанства дозволенною религіею, и, такъ сказать, въ географическомъ, — т. е. по мѣсту ихъ происхожденія (Восточныя и Западныя). Авторъ излагаетъ содержаніе твореній апологетовъ, дѣлаетъ ихъ характеристику. Все это и составляетъ большую (первую) часть его труда. Вторая часть его труда представляетъ рѣшеніе вопроса о современномъ значеніи апологій древней Церкви, — это часть болѣе самостоятельная, чѣмъ первая, и обнаруживающая въ авторѣ человека довольно основательно ознакомленнаго съ современными запросами, предъявляемыми апологету въ виду позднѣйшихъ нападеній на христіанство. Сочиненіе его довольно утомительно для чтенія въ виду того, что онъ недостаточно раздѣльно распредѣлилъ вмѣвшійся у него матеріалъ и допускаетъ не оправдываемая нуждою повторенія. Но, конечно, за эту свою вину онъ и наказанъ излишнею работою по выпискѣ и перепискѣ лишняго, т. е. чего можно было ни писать, ни переписывать безъ ущерба для дѣла. Во всякомъ случаѣ трудъ его является очень приличною кандидатскою работою“.

16) О сочиненія студента Владиміра *Зерчанинова* на тему: „Обозрѣніе русской литературы по изученію Евангелій за последнее десятилѣтіе“.

а) Экстраординарнаго профессора Д. Богдасhevскаго:

„Самъ авторъ дѣлаетъ въ заключеніи своего сочиненія довольно справедливую его оцѣнку, когда здѣсь пишетъ: „Приступая къ обзорѣнiю русской литературы по изученію Евангелій, первую задачу своего труда мы поставили указаніе всѣхъ относящихся сюда произведеній. Эта задача, насколько это зависѣло отъ насъ, въ общемъ нами исполнена“, и исполнена — прибавимъ — весьма старательно. „Вторую задачу своего труда мы поставили изложеніе содержанія подлежащихъ нашему обзору произведеній. Эта задача, какъ мы и предполагали, выполнена нами только отчасти и при томъ крайне не равномерно“, т. е. — на однихъ изслѣдованіяхъ и статьяхъ авторъ останавливается довольно подробно, а другія — просто перечисляетъ, указывая только самую главную ихъ мысль. Третья задача, т. е. критическая оцѣнка обзорѣваемыхъ произведеній, „почти совсѣмъ — замѣчаетъ авторъ — нами не исполнена“, и пришлось при оцѣнкѣ трудовъ или пользоваться авторитетнымъ мнѣніемъ другихъ, или ограничиваться чисто субъективнымъ моментомъ, — общимъ впечатлѣніемъ, полученнымъ отъ того или иного произведенія.

Однако въ общемъ авторъ выполнилъ свою задачу удовлетворительно. Онъ не потерялся во множествѣ прочитаннаго и просмотрѣннаго имъ матеріала, а сгруппировалъ его ясно и стройно, вѣрно отмѣтивши основныя мысли того или иного труда, правильно уловивши его основной духъ и характеръ, умѣло вообще выдѣливши существенное изъ несущественнаго. Сочиненіе не лишено и хорошихъ критическихъ замѣчаній, освывающихся иногда на сличеніи однородныхъ статей, появившихся въ рассматриваемое время, или даже на знакомствѣ съ предшествующими работами по данному вопросу. Авторъ, видно, владѣсть перомъ и пишетъ вообще бойко. Нѣсколько непріятное впечатлѣніе производитъ его иногда слишкомъ самоувѣрен-

ный тонъ и слишкомъ большая симпатія ко всякимъ богословскимъ новинкамъ, не имѣющимъ часто никакой научной цѣнности. Авторъ, впрочемъ, высказываетъ совершенно справедливый взглядъ, когда говоритъ: „Первыя движенія новой мысли, какъ и всѣ первые шаги, шатки и иногда даже невѣрны. Критическое отношеніе и разумная помощь существенно необходимы здѣсь, хотя и отвергаются иногда съ юнымъ задоромъ новаго, не могущаго выносить никакой препоны“ (стр. 296).

Для степени кандидата сочиненіе удовлетворительно“.

б) Ординарнаго профессора А. Дмитриевскаго:

„Тяжелое непріятное чувство оставляетъ въ читателѣ сочиненіе г. Зерчанинова и, нужно сознаться, что это чувство возрастаетъ по мѣрѣ приближенія къ его концу. По нашему крайнему разумѣнію, оно несомнѣнно является показателемъ того будирующаго настроенія, какимъ проникнута была вся русская учащаяся молодежь въ истекшій учебный годъ. Только этимъ неуравновѣшеннымъ состояніемъ духа г. Зерчанинова мы и можемъ объяснить ту развязность сужденій и критическихъ отзывовъ о трудахъ лучшихъ нашихъ изслѣдователей Евангелія и евангельской исторіи и въ частности ближайшаго его руководителя проф. Д. И. Богдашевскаго, какую неожиданно мы встрѣтили на страницахъ настоящаго *перваго* ученаго опыта, представленнаго на ученую степень:

Г. Зерчанинову хорошо было извѣстно, что тема дана его руководителемъ проф. Д. И. Богдашевскимъ, одобрена Совѣтомъ Академіи и что въ литературѣ уже существуетъ подобный трудъ проф. Θ. Елеонскаго по отношенію къ трудамъ по Ветхому Завету (стр. 284), тѣмъ не менѣе все это нисколько не останавливаетъ его (съ напрасныхъ и легкомысленныхъ разсужденій о томъ, что нужно разумѣть подъ словомъ „обозрѣніе“. Съ точки зрѣнія нашего автора, ищущаго ученой богословской степени, въ понятіи „обозрѣніе“ будто бы мыслится и „легкая

публицистически-фельетонная заметка, скользящая по поверхности предмета“ изслѣдованія или излагающая только его сущность“ (стр. 1). Устанавливая затѣмъ свой взглядъ на „обозрѣніе“ и его задачу, какъ на указатель, „по возможности всѣхъ произведеній, находящихся, какъ въ *периодической прессѣ*, такъ и вышедшихъ отдѣльнымъ изданіемъ, въ которыхъ такъ или иначе затрогивается и изучается Евангеліе“ (стр. 12) и оставляя благоразумно мечту „сдѣлать какъ результатъ своего изслѣдованія какіе нибудь важные выводы, опредѣляющіе сущность, характеръ и основное направленіе изучаемой литературы“ (стр. 111), г. Зерчаниновъ считаетъ себя вполне довольнымъ и счастливымъ, если ему „въ концѣ концовъ удастся набросить хотя бы *замѣтные штрихи* для общей картины движенія русской богословской мысли“ (тамъ же). Но прежде чѣмъ коснуться этихъ дѣйствительно „замѣтныхъ штриховъ“ г. Зерчанинова, я позволю себѣ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о планѣ и содержаніи его сочиненія.

Планъ сочиненія, по нашему мнѣнію, говоритъ намъ, что г. Зерчаниновъ не ясно представлялъ себѣ задачу своего „обозрѣнія“. Такъ, въ третьей части своего сочиненія, почему-то названной „приложеніемъ“, онъ рѣшается разсматривать статьи апологетико-историческія, имѣющія отдаленное или, какъ онъ выражается „косвенное отношеніе къ Евангелію“ (стр. V) или прямо относящіяся къ основному богословію. Таковы, напр., статья Павловича „Попытка естественнаго объясненія чудесъ въ нашемъ вѣкѣ“, Глѣбова „Историческая достовѣрность воскресенія Господа нашего Іисуса Христа“, г. К. И.—на „Ренанъ предъ судомъ науки“, „Въ чемъ основная ложь Ренановской жизни Іисуса“, о. Буткевича „Ренанъ и его сочиненіе „Жизнь Іисуса“ и др. Всѣ эти статьи, по моему мнѣнію, безъ достаточности для полноты обозрѣнія г. Зерчанинова могли бы быть и оставлены безъ разсмотрѣнія, чѣмъ безспорно онъ выигралъ бы и время, необходимое ему для обработки первыхъ двухъ

отдѣловъ сочиненія. — Нельзя одобрить исполнѣ его дѣленіе статей по изученію Евангелій на статьи общія и статьи спеціальныя, относящіяся къ изученію четвероевангелія. Такое дѣленіе мѣшаетъ цѣльности впечатлѣнія и не даетъ читателю яснаго представленія о томъ, въ какомъ видѣ стоитъ въ наукѣ по изученію Евангелій тотъ или иной вопросъ. Такъ напр., трудъ проф. Тарѣева „Искушенія Господа нашего Іисуса Христа“ нашелъ себѣ мѣсто въ первой части сочиненія г. Зерчанинова (стр. 60), а статья проф. М. И. Богословскаго: „Искушеніе Господа нашего отъ діавола“, имѣющая несомнѣнную связь съ названнымъ трудомъ по тому же вопросу проф. Тарѣева, помещена во второй части (стр. 138). Непонятно для насъ также, почему „академическія чтенія по Св. Писанію Новаго Завѣта“ извѣстнаго экзегета покойнаго епископа курскаго Михаила не нашли себѣ подходящаго мѣста въ первыхъ двухъ частяхъ и скромно ютятся въ третьей „прибавочной“ части, среди статей характера „апологетико-историческаго и біографическаго“ и удостоившись самыхъ общихъ поверхностныхъ замѣчаній (стр. 279) со стороны нашего автора.

Увлечшись совершенно напрасно въ сторону отъ прямой своей задачи статьями „апологетико-историческаго и біографическаго характера“, а также статьями характера „беллетристическаго“ (стр. 267), не научнаго (стр. 266), но которыя читаются съ интересомъ (стр. 267) и удовольствіемъ (стр. 213) или въ которыхъ онъ усматриваетъ „новую струю богословской мысли“ (стр. 295), г. Зерчаниновъ, очевидно, не имѣлъ достаточно времени, чтобы лично проштудировать даже очень важныя, по его мнѣнію, труды, относящіяся къ изученію Евангелія, и сдѣлать самостоятельное изложеніе ихъ основныхъ положеній въ своей работѣ. Такъ, напр., трудъ проф. Тарѣева „Искушенія Господа нашего Іисуса Христа“, автора, у котораго г. Зерчаниновъ прежде всего находитъ „новую струю богословской мысли“ и которымъ сильно увлекается, онъ не стѣсняется излагать почти дословно по ре-

цензій проф. Муретова, напечатанной въ протоколахъ Совѣта Москов. духовной Академіи за 1898 г. (стр. 60—72), не останавливаясь даже предъ тѣмъ, что рецензія проф. Муретова, какъ это извѣстно и г. Зерчанинову, писана на *рукописный* трудъ проф. Тарѣева, а не на печатный (стр. 62, прим. 1). „Воскресная ночь“ епископа курскаго Михаила, „въ виду малоизвѣстности труда“, излагается г. Зерчаниновымъ прямо по рецензій „лично ему извѣстнаго П. И. Кудравцева“ (стр. 152), у котораго, слѣдуетъ думать, онъ раздобылъ бы, если бы постарался, и самую книжку еп. Михаила. Очень часто мы видимъ въ работѣ г. Зерчанинова сухой перечень статей безъ всякаго содержанія ихъ, а иногда одно лишь перечисленіе главъ, составляющихъ содержаніе труда. Такимъ характеромъ отличается изложеніе, напр., „Очерковъ изъ жизни Христа Спасителя (по Эдшерейму)“ свящ. Фивейскаго (стр. 254—257). По этому въ похвалу автору можно вѣнчить то, что онъ откровенно сознается въ недостаткахъ этой первой и основной своей задачи. „Эта задача, какъ мы и предполагали, говорить г. Зерчаниновъ, выполнена нами *только отчасти* и при томъ крайне неравно. Поработавъ нѣсколько времени, мы опытно убѣдились, что дать хотя бы въ общихъ чертахъ содержаніе всѣхъ произведеній по изученію Евангелій возможно не иначе, какъ только *пожертвовавъ самостоятельностью* (какъ будто бы теперь онъ чуждъ этого грѣха!) и относительной стройностью своего труда, расширивъ въ тоже время его объемъ до громадныхъ размѣровъ. Поэтому мы рѣшили, пишетъ, онъ *упростить* свою задачу, замѣнивъ изложеніе указаніемъ основныхъ пунктовъ произведеній, останавливаясь боѣе внимательно лишь иногда и только на нѣкоторыхъ изъ нихъ“ (стр. 283—284).

Критическая или, какъ выражается авторъ, *субъективная* задача труда, по сознанію его, осталась „почти совсѣмъ не выполненною“. „Чувствуя себя по многимъ вопросамъ недоста-

точно компетентными, говорить г. Зерчаниновъ и не имѣя времени изучить и разобраться по существу во всемъ разнообразіи подлежащаго нашему обзорѣ литературнаго матеріала, мы, гдѣ имѣлась возможность, пользовались мѣшными авторитетныхъ и свѣдующихъ лицъ, ограничиваясь въ остальныхъ случаяхъ, такъ сказать, общимъ впечатлѣніемъ извѣстнаго произведенія, логической его распланировкой, независимо отъ того или иного содержанія“ (стр. 285). И это откровенное сознание весьма близко къ истинѣ, а поэтому страницы сочиненія г. Зерчанинова нерѣдко пестрятъ такого рода не научными критическими замѣчаніями: „книга читается съ удовольствіемъ и интересомъ“ (стр. 213, 269 и др.), или „статья, не заключающая въ себѣ ничего новаго или особенно важнаго“ (стр. 134), или „экзегетическаго элемента трудъ этотъ (т. е. прот. Соловьева „Законъ и Евангеліе“) совершенно не заключаетъ въ себѣ, а по спутанности и разбросанности содержанія можетъ быть рассматриваемъ скорѣе какъ *благочестивыя размышленія или проповѣдь*, чѣмъ цѣнное въ научномъ отношеніи богословское произведеніе“ (стр. 114, прим.) и т. п. Очевидно, г. Зерчаниновъ не высокаго понятія о благочестивыхъ размышленіяхъ и проповѣдяхъ, если „спутанность и разбросанность содержанія“ считаетъ ихъ принадлежностію и не допускаетъ всего этого лишь „въ цѣломъ въ научномъ отношеніи богословскомъ произведеніи“...

Теперь нѣсколько словъ „о замѣтныхъ штрихахъ для общей картины движенія русской богословской мысли“. Къ такимъ „штрихамъ“ прежде всего слѣдуетъ отнести цѣликомъ все „заключеніе“ рассматриваемаго нами сочиненія, наводящее насъ на глубокія размышленія, но, не желая удлинять рецензии, мы остановимъ свое вниманіе лишь на сужденіяхъ г. Зерчанинова по вопросу о полемикѣ профессоровъ Богдашевского и Тарѣева, имѣвшей мѣсто на страницахъ нашихъ академическихъ журналовъ въ недавнее время. Мы уже знаемъ

критическую несостоятельность г. Зерчанинова, въ вопросахъ избранной имъ спеціальности, по его собственному признанію. О своихъ „личныхъ отношеніяхъ къ проф. Д. И. Богдашевскому“ онъ оповѣщаетъ насъ также на страницахъ своего труда (стр. 295). Казалось бы поэтому правильнѣе и цѣлесообразнѣе ограничиться нашему автору простымъ констатированіемъ факта, не входя въ его оцѣнку по существу, но г. Зерчаниновъ „не можетъ не указать на этотъ „фактъ огромной важности и значенія“ и даже признать его „симптоматическимъ“ (стр. 295). По мнѣнію г. Зерчанинова, „новая струя богословской мысли, выразителемъ которой въ области экзегетики и является проф. Тарѣвъ, вызываетъ къ себѣ критическое отношеніе, которое и можетъ служить ручательствомъ за то, что русское богословіе, слишкомъ *осторожное и консервативное* въ лучшемъ смыслѣ этого слова (здѣсь прежде всего слѣдуетъ разумѣть проф. Богдашевского), можетъ обогатиться новымъ содержаніемъ только по тщательномъ его испытаніи и провѣркѣ (стр. 296). Г. Зерчаниновъ беретъ подъ свою защиту проф. Тарѣва, называя его вторую экзегетическую замѣтку (Бог. Вѣстн. 1904 кн. V) „болѣе солидною по своей аргументаціи“, чѣмъ, конечно, „неправильное“ объясненіе его руководителя проф. Богдашевского (стр. 293—294). Нашъ авторъ подыскиваетъ довольно курьезныя объясненія для своего протекъ и по вопросу о тонѣ и манерѣ полемизировать съ своими противниками. „Рязкость и даже грубость полемики въ данномъ случаѣ, говоритъ г. Зерчаниновъ по адресу и въ утѣшеніе проф. Богдашевского, хотя, конечно, и мало желательное, но *вполнѣ естественное явленіе*. Вспомнимъ хотя бы публицистическую дѣятельность эпохи шестидесятыхъ годовъ. Но пройдетъ юный задоръ, окрѣпнеть навѣкъ критическаго отношенія къ дѣлу и, при неослабѣвающемъ интересѣ и вниманіи къ изучаемому, двинется русское богословіе впередъ, мало-помалу уясняя и оцѣнивая то, что часто до

сихъ поръ трактовалось вскользь, отчасти даже съ трусостью привыкшей идти по извѣстному шаблону мысли“ (стр. 297). Мечтать позволительно каждому, и мечтамъ можетъ не быть и предѣла, но какъ назвать отношеніе г. Зерчанинова къ своему руководителю проф. Д. И. Богдасhevскому—это мы сдѣлать отказываемся. Что это—наивность, юношеское увлеченіе или непростительная неадекватность, или же все вмѣстѣ взятое? вотъ этого мы понять не можемъ.

Г. Зерчаниновъ несомнѣнно трудился и, какъ это можно видѣть изъ сказаннаго выше, трудился съ увлеченіемъ. Приобрѣлъ онъ для себя не мало полезныхъ свѣдѣній въ области богословской литературы, относящейся къ изученію Новаго Заветъа или правильнѣе Евангелій. Владѣеть онъ и бойкимъ перомъ, которому, однакоже, лучше даются газетные фельетоны, чѣмъ серьезныя научныя статьи. Поэтому я находилъ бы возможнымъ это сочиненіе и въ настоящемъ его видѣ признать достаточнымъ для полученія его авторомъ степени кандидата богословія“.

17) О сочиненіи студента Михаила *Иллюминатова* на тему: „Педагогика Яна Амоса Коменскаго съ христіанской точки зрѣнія“.

а) Экстраординарнаго профессора Н. Маккавейскаго:

„Великій славянскій педагогъ, истинный „другъ человѣчества“, послѣдній епископъ многострадальной протестантской общины Чешскихъ Братъевъ Янъ Амосъ Коменскій въ своихъ многочисленныхъ педагогическихъ сочиненіяхъ оставилъ цѣльное, вполне раскрытое педагогическое міровоззрѣніе, обширную педагогическую систему, обнимающую всѣ стороны воспитанія. Имѣя въ основѣ своей принципиальное рѣшеніе коренныхъ вопросовъ—о челоѣкѣ и его назначеніи и вполне послѣдова-

тельно вытекая изъ него, эта педагогика Коменскаго представляеть глубокий интересъ не съ спеціальной только узко-педагогической точки зрѣнія, но и съ общей христіанской. Разсмотрѣть и оцѣнить ее именно съ этой стороны и поставилъ задачею для своего изслѣдованія г. Иллюминатовъ.

Выходя изъ того положенія, что педагогическія воззрѣнія Коменскаго стоятъ въ самой тѣсной связи съ его личностью, авторъ находитъ нужнымъ сначала познакомить читателя съ условіями воспитанія и обстоятельствами жизни и дѣятельности Коменскаго. Имѣя цѣлью только выясненіе характерныхъ чертъ личности педагога, въ ихъ генезисѣ и жизненномъ обнаруженіи, авторъ, естественно, не даетъ цѣльной біографіи Коменскаго; онъ ограничивается лишь пересказомъ, по нѣкоторымъ изъ имѣющихся у насъ работъ по этому предмету, главнѣйшихъ фактовъ изъ жизни Коменскаго, попутно отмѣчая происхожденіе важнѣйшихъ педагогическихъ сочиненій его. Слѣдующая 2-я глава посвящается раскрытію принципіальныхъ воззрѣній педагога на воспитаніе и школу въ связи со взглядами его на челоуѣка, природу послѣдняго, земную жизнь и конечное назначеніе. Самая обширная 3-я глава излагаетъ педагогическую систему Коменскаго букввальными выдержками изъ „Великой Дидактики“ и, въ общемъ, почти по ея плану. Это 1-я часть сочиненія. Вторая—критическая—раздѣляется также на три главы. Въ первой дается христіанскій анализъ педагогическихъ воззрѣній Коменскаго по вопросу о цѣли воспитанія. Во 2-ой разсматривается съ христіанской точки зрѣнія взглядъ Коменскаго на матеріалъ воспитанія, т. е. на природу челоуѣка. Въ 3-й заключается такая же оцѣнка средствъ воспитанія по Коменскому, причемъ подъ „средствами“ воспитанія авторъ разумѣетъ здѣсь принципъ природосообразности и дисциплину, какъ поставлены они въ „Великой Дидактикѣ“.

Авторъ построилъ свое изслѣдованіе по плану, способному обнять всѣ стороны разсматриваемаго имъ предмета. Однако

не всѣ части этого плана получили въ его сочиненіи достаточную разработку и надлежащее выполненіе. Такъ въ 1-ой части 3-я глава оказалась безъ нужды излишне обипрной и именно по двумъ причинамъ. Во первыхъ, авторъ помѣстилъ здѣсь обильный матеріалъ изъ области методики Коменскаго, который ему послѣ, во 2 ой части, совершенно не понадобился: разсматривать съ христіанской точки зрѣнія ученіе Коменскаго объ обученіи „въѣрномъ“, „легкомъ“ и „основательномъ“, оцѣнивать его методы наукъ, искусствъ и языковъ, раздѣленіе процесса образованія на четыре школы—автору не пришлось. Во вторыхъ излишнее расширеніе этой главы произошло и вслѣдствіе того метода, которому слѣдуетъ здѣсь, какъ во всемъ сочиненіи своемъ, авторъ. Для изложенія педагогики Коменскаго онъ избралъ легчайшій путь—говорить словами самого педагога, т. е. перенести въ свое сочиненіе изъ „Великой Дидактики“ все сколько нибудь важное, ограничивъ свой трудъ здѣсь лишь сокращеніемъ текста „Великой Дидактики“. Такъ перенесены въ сочиненіе всѣ многочисленныя „Fundamenta“ Коменскаго методологическаго характера, безъ всякаго различія между ними болѣе и менѣе важныхъ и не смотря на то, что въ нихъ есть много повтореній. Естественно было автору, если онъ нашелъ нужнымъ касаться этой области въ педагогикѣ Коменскаго, выдѣлять положенія существенныя и, знакомя съ ними читателя, подчеркнуть, выставить ярче и охарактеризовать главнѣйшіе изъ нихъ.

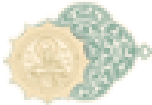
Во 2-й части сочиненія, во всѣхъ трехъ главахъ авторъ приходитъ къ выводамъ въ пользу Коменскаго, т. е. къ утвержденію истинно критическаго характера всѣхъ главнѣйшихъ педагогическихъ воззрѣній его—на цѣль воспитанія, объектъ и средства его. Но этотъ христіанскій анализъ педагогики Коменскаго и аргументація выводовъ могли быть поставлены гораздо шире. Въ частности, напр., въ вопросѣ о природѣ чловѣка авторъ довольствуется указаніемъ лишь двухъ взглядовъ

па неє—Руссо и библейскаго. Въ вопросѣ о воспитаніи авторъ не достаточно уясняетъ мѣсто и значеніе природы въ этомъ дѣлѣ, склонилъ, какъ будто, преувеличивать силу и значеніе воспитанія (стр. 301—302). Коренной принципъ педагогики Коменскаго—принципъ природосообразности требовалъ большаго вниманія со стороны автора, болѣе подробнаго анализа и уясненія. Тогда въ своей оцѣнкѣ взгляда С. И. Миропольскаго онъ пришелъ бы къ другому заключенію. Вопросъ о дисциплинѣ, какъ поставленъ онъ у Коменскаго и въ педагогикѣ христіанской, также требовалъ болѣе подробнаго раскрытія. Не извѣстно, далѣе, почему авторъ въ своемъ трактатѣ о „средствахъ“ воспитанія ограничился лишь дисциплиной, присоединивъ къ ней принципъ (не „средство“) природосообразности. Педагогика Коменскаго, какъ изложена она въ 1-й части сочиненія, даетъ гораздо болѣе матеріала для этого. Литература предмета изучена авторомъ не вполне.

Не смотря на указанные недочеты, я признаю сочиненіе г. Иллюминатова удовлетворительною кандидатскою диссертацией. Авторъ достаточно изучилъ личность и педагогическую теорію Коменскаго, сумѣлъ правильно оріентироваться въ послѣдней, установилъ главнѣйшія принципиальныя стороны ея, подлежащія разсмотрѣнію съ христіанской точки зрѣнія и далъ соответствующую усиленную оцѣнку ихъ. Сочиненіе его, если не считать расширенія 3-ей главы въ 1-ой части, написано стройно, языкомъ правильнымъ и яснымъ и даетъ въ общемъ цѣльное впечатлѣніе о характерѣ педагогики Коменскаго. По этому я и нахожу возможнымъ признать трудъ г. Иллюминатова для своей цѣли достаточнымъ“.

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора П. Линицкаго:

„Въ первой части этого сочиненія изложена педагогика Коменскаго, во второй имѣлось въ виду сдѣлать оцѣнку этой педагогики съ точки зрѣнія христіанской.“

Изложеніе педагогикѣ Коменскаго отличается крайней и совсѣмъ излишней подробностію. Обученіе должно быть плодотворнымъ, легкимъ и основательнымъ. И вотъ слѣдуютъ правила долженствующія обезпечить эти качества обученія. Плодотворность, иначе — прочность обученія можетъ быть достигнута чрезъ выполненіе девяти правилъ, легкость достигается исполненіемъ десяти правилъ; чтобы обученіе было основательнымъ, также требуется исполненіе новыхъ десяти правилъ. Затѣмъ слѣдуетъ еще одиннадцать правилъ, долженствующихъ служить руководствомъ для обученія искусствамъ. Всѣ эти правила перечислены и изложены каждое порознь а между тѣмъ во многихъ правилахъ, подъ разными рубриками, повторяется одно и то же, какъ напр., требованіе связности, постепенности. Посему, вмѣсто подробнаго изложенія педагогическихъ правилъ, автору слѣдовало обратить вниманіе на главныя и наиболѣе характерныя черты правилъ, для чего было бы не излишнимъ сопоставленіе педагогикѣ Коменскаго съ состояніемъ обученія и воспитанія въ тогдашнее время, чего авторъ не дѣлаетъ, а довольно подробно излагаетъ біографич. свѣдѣнія о Коменскомъ не имѣющія, можно сказать, никакого значенія для характеристики педагогикѣ Коменскаго, кромѣ развѣ того факта, что Коменскій былъ священникомъ.

Въ части сочиненія, долженствующей представить оцѣнку педагогикѣ Коменскаго, изложено христіанское ученіе о конечной цѣли жизни человѣческой и о природѣ человѣка, послѣ чего авторъ удовольствовался краткимъ замѣчаніемъ, что педагогика Коменскаго согласна съ этимъ ученіемъ. Такова оцѣнка педагогикѣ Коменскаго. Авторъ не обратилъ вниманія на то, что отождествленіе цѣли воспитанія съ конечною цѣлью жизни человѣческой дѣлаетъ педагогику Коменскаго, вслѣдствіе чрезмѣрной широты ея требованій и задачъ, — неясною и неопредѣленною, ибо содержаніемъ ея являются преимущественно задачи и цѣли — вообще должное и желательное въ этой

области—а не способы и средства осуществленія таковыхъ, не какіе либо критическіе совѣты и пріемы воспитанія и обученія. — Ознакомленіе съ педагогикою Коменскаго конечно стояло для автора не малаго труда, а равно подробное ея обозрѣніе и изложеніе; поэтому можно признать сочиненіе студента Иллюминатова о педагогикѣ Коменскаго достаточнымъ для полученія степени кандидата богословія“.

18) О сочиненіи студента Александра *Кильчевскаго* на тему: „Церковно-богословскіе вопросы въ Москвѣ и Кіевѣ въ концѣ XVII вѣка“.

а) И. д. доцента *Θ. Мищенко*.

„Въ первой, ввводной, главѣ выясняются причины, способствовавшія возникновенію церковно богословскихъ вопросовъ въ Москвѣ и Кіевѣ въ концѣ XVII в. Вторая глава, занимающая болѣе половины всего сочиненія посвящена извѣстнымъ спорамъ въ Москвѣ по вопросу о времени пресуществленія Св. Даровъ. Въ третьей излагается исторія разномысліи въ то же время по вопросу о непорочномъ зачатіи Пресв. Дѣвы Маріи, въ четвертой—исторія вопроса о томъ, сколькихъ священниковъ и діаконѡвъ можно поставитъ на одной и той же литургіи, и, наконецъ, въ пятой—излагается дѣло Діонисія Жабокрицкаго, который былъ женатъ на вдовѣ, а по разводѣ съ нею, избранъ и поставленъ на епископскую кафедру въ Луцкѣ, и вызванная этимъ дѣломъ записка кіевскихъ богослововъ объ авторитетѣ канѡновъ. Въ заключеніи авторъ характеризуетъ московскихъ богословѡвъ, какъ крайне нетерпимыхъ къ чужимъ мнѣніямъ, а кіевскихъ, какъ болѣе снисходительныхъ, гуманныхъ и уступчивыхъ, что объясняется большей широтой ихъ кругозора.

Сочиненіе представляетъ изъ себя трудъ преимущественно компилятивный. Выдвинутая на первый планъ въ сочине-

ній історія вопроса о времени пресущевленія Св. Даровъ разработана лицами, пользуючимися въ ряду нашихъ отечественныхъ изслѣдователей широкой научной репутаціей; не безызвѣстны въ наукѣ и другіе разсматриваемые въ сочиненіи вопросы. Имѣющимися учеными трудами г. Кильчевскій главнымъ образомъ и воспользовался. Но, какъ компиляція, трудъ его долженъ быть признанъ весьма мастерски исполненнымъ. Сочиненіе его все сплошь читается съ большимъ интересомъ, а нѣкоторыя мѣста, особенно вторая глава о времени пресущевленія Св. Даровъ, даже съ наслажденіемъ. Лишь изрѣдка авторъ многословить и приводитъ излишне длинныя выдержки изъ документовъ, а въ четвертой главѣ (о ставленникахъ на литургіи), вѣроятно, въ виду малочисленности свѣдѣній, прямо относящихся къ дѣлу, онъ, какъ будто даже умышленно, уклоняется въ сторону, и, имѣя подъ руками изслѣдованіе г. Каптерева, начинаетъ говорить о заботахъ патріарха Досіея объ искорененіи латинскаго вліянія въ южной Руси вообще и старается по возможности удлинити свою рѣчь.

Для представлеиной цѣли сочиненіе вполне удовлетворительно.

б) Экстраординарнаго профессора, протоіерея Ѳ. Титова:

„Въ концѣ ХVІІ в. совершилось подчиненіе Кіевской митрополіи Московскому патріарху. Въ это время соединились двѣ половины единой русской церкви, которая окончательно раздѣлилась въ половинѣ ХV в. на двѣ митрополіи. Болѣе двухъ вѣковъ двѣ, можно сказать, родныя сестры—Московская и Кіевская православныя церкви—прожили раздѣльно, при весьма неодинаковыхъ историческихъ, политическихъ, экономическихъ и многихъ другихъ условіяхъ существованія. Само собою понятно, что въ той и другой части русской православной церкви за это время могли образоваться и, дѣйстви-

тельно, образовались нѣкоторыя, то болѣе, то менѣе важныя особенности въ богословскомъ вѣдѣніи, церковномъ устройствѣ и религіозно-нравственной жизни. Особенно эти должны были заявить о себѣ раньше или позже, но во всякомъ случаѣ скоро послѣ соединенія двухъ церквей и, конечно, вызвать взаимное обсужденіе, направленное къ устраненію разностей, и объединенію. Такъ, дѣйствительно и случилось. Вскорѣ послѣ присоединенія Киевской митрополіи къ Московскому патриархату мы видимъ въ Москвѣ и въ Кіевѣ возникновеніе и обсужденіе различныхъ церковно-богословскихъ вопросовъ, почвою для чего послужили вышеупомянутыя разности между Киевскою и Московскою церквами.

Авторъ разсматриваемаго нами труда и излагаетъ исторію этихъ церковно-богословскихъ вопросовъ въ Москвѣ и Кіевѣ въ концѣ XVII в.

Сочиненіе его состоитъ изъ предисловія, пяти главъ, изъ которыхъ одна замѣняетъ введеніе, и заключенія

Въ *предисловіи* (стр. I—XIII) авторъ опредѣляетъ предметъ и задачу изслѣдованія, а также даетъ здѣсь краткую библіографію вопроса.

Въ *первой*—вступительной главѣ (стр. 1—51) выясняются причины, способствовавшія возникновенію и развитію вопросовъ церковно-богословскаго характера въ Москвѣ, въ Кіевѣ въ концѣ XVII в.

Въ послѣдующихъ четырехъ главахъ излагается исторія самыхъ церковно-богословскихъ вопросовъ, обсуждавшихся въ Москвѣ и Кіевѣ въ концѣ XVII в., а именно во *второй* главѣ (стр. 52—281)—о времени пресуществленія Св. Даровъ на литургіи, въ *третьей* (стр. 282—314)—о непорочномъ зачатіи Пресв. Богородицы, въ *четвертой* (стр. 315—350)—о поставленіи (точнѣе: посвященіи) чиновъ іерархіи на литургіи и въ *пятой* (стр. 351—377)—о возможности или невозможности примѣненія каноническихъ постановленій (но по-

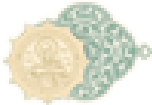
воду дѣла о хиротоніи Діонисія Жабокритскаго въ санъ Луцкаго епископа).

Въ особомъ *заключеніи* (стр. 368—387) дается краткая и общая характеристика отношеній Московскихъ и Кіевскихъ іерарховъ и богослововъ вообще къ перечисленнымъ церковно-богословскимъ вопросамъ и способа рѣшенія ихъ въ Москвѣ и Кіевѣ.

Основная—историческая часть сочиненія составлена и изложена авторомъ почти безукоризненно. Слѣдуетъ здѣсь отмѣтить только двѣ ошибки, или, не точности, вполне извинительныя автору, какъ не спеціалисту. На стр. 231 авторъ говоритъ, что Кіевскій митрополитъ Гедеонъ Святополкъ-Четвертинскій былъ тестемъ гетмана Ивана Самойловича, а на самомъ дѣлѣ только его *племянникъ* кн. Юрій Святополкъ-Четвертинскій былъ женатъ на *бочери* гетмана Самойловича. На стр. 377 сказано, что Діонисій Жабокритскій послѣ рукоположенія въ санъ епископскій оставался на Луцкой кафедрѣ болѣе 15 лѣтъ: это выраженіе неточное и неопредѣленное, особенно въ виду того, что Діонисій Жабокритскій въ 1702 году перешелъ въ унию.

Нельзя не пожалѣть о томъ, что недостатокъ времени, очевидно, помѣшалъ серьезному автору болѣе внимательно остановиться на характеристикѣ церковно-богословскаго вѣдѣнія въ Москвѣ и Кіевѣ въ концѣ XVII в. Этотъ вопросъ, въ виду неодинаковаго воззрѣнія на него со стороны нашихъ историковъ и богослововъ, представляетъ особенный интересъ.

Сочиненіе автора представляетъ серьезную работу, исполненную на основаніи весьма тщательнаго и усерднаго изученія имъ соотвѣтствующей литературы. Въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ оно представляетъ живой интересъ новизною историческихъ данныхъ и точки зрѣнія самого автора. Изложеніе почти безукоризненное.

На основаніи сказаннаго, сочиненіе студента А. Кильчевскаго, по нашему мнѣнію, можетъ быть признано весьма хорошею кандидатскою диссертациею“.

16) О сочиненіи студента Павла *Коробейникова* на тему: „Древнѣйшія апокрифическія Евангелія и ихъ значеніе“.

б) Экстраординарнаго профессора Д. Богдашевскаго:

„Сдѣлавши во введеніи довольно хорошій, хотя написанный какимъ то необыкновенно натянутымъ языкомъ, экскурсъ о значеніи понятія „апокрифическій“, опредѣливши особенности апокрифическихъ евангелій, указавши важнѣйшія ихъ изданія, авторъ раздѣляетъ свою работу на двѣ части: въ первой части говоритъ о „Первоевангеліи Іакова“ (23—126 стран.), а во второй—о „Евангеліи дѣтства (арабскомъ)“, 127—136 стран.

Первая часть состоитъ изъ пяти небольшихъ главъ. Въ первой главѣ говорится о надписаніи Первоевангелія, его судьбѣ на востокѣ и западѣ, его древности, его изданіяхъ и переводахъ. Во второй главѣ излагается кратко, но очень хорошо содержаніе Первоевангелія и доказывается его апокрифическій характеръ. Предметомъ третьей главы служитъ вопросъ о писателѣ Первоевангелія, при чемъ авторъ приходитъ къ заключенію, что послѣднее написано не евіонитомъ и не гностикомъ, а принадлежитъ неизвѣстному іудео-христіанину. Въ четвертой главѣ говорится о мѣстѣ и времени написанія даннаго документа: на основаніи неопредѣленности показаній апокрифа относительно іудейскаго богослуженія авторъ заключаетъ, что писатель его жилъ внѣ Палестины, по всей вѣроятности, въ Александріи, а раннія ссылки церковныхъ писателей на Первоевангеліе укрѣпляютъ его въ мысли, что оно появилось около половины 2 вѣка. Въ пятой главѣ очень сжато разъ-

ясняется значеніе даннаго апокрифа, служащаго какъ бы ком-ментаріемъ къ нѣкоторымъ мѣстамъ каноническихъ евангелій и сообщающаго иногда цѣнныя историческія свѣдѣнія, подтверждаемыя церковно-богослужебнымъ преданіемъ православной церкви.

Во второй части, состоящей всего изъ нѣсколькихъ страницъ, даются краткія свѣдѣнія о писателѣ „Евангелія дѣтства“, его общемъ характерѣ и его распространеніи. Въ концѣ авторъ прибавляетъ: „Изученіе его (т. е. Евангелія дѣтства) должно начинаться, естественно, знакомствомъ, съ текстомъ даннаго апокрифическаго памятника. Такъ какъ на русскій языкъ это Евангеліе еще не было переведено, то посильную передачу его текста мы и предлагаемъ въ своей работѣ. Къ невыразимому сожалѣнію, этимъ переводомъ пока и удалось исчерпать все отношеніе свое къ этому замѣчательному произведенію христіанской древности“ (стр. 136).

Авторъ самъ сожалѣетъ, что ему удалось написать очень мало, и дѣйствительно своей темы онъ далеко не исчерпалъ. Какъ бы опустивши изъ виду, что прежде всего нужно дѣлать болѣе важное и существенное, а всякія приложения въ сочиненіи являются уже нѣкоторою роскошью, онъ занялся переводомъ „Евангелія дѣтства“, потративши на него не мало драгоценнаго времени, которое могло бы быть употреблено далеко съ большею пользою. Тѣмъ не менѣе г. Коробейниковъ обнаружилъ въ своей работѣ большое трудолюбіе, способность писать ясно и отчетливо, умѣло справляться съ иностранными пособіями и дѣлать научные выводы очень осторожно. При оцѣнкѣ сочиненія не можетъ быть игнорируемо и приложение, гдѣ, за весьма немногими исключеніями, данъ очень точный переводъ „Евангелія дѣтства“. По этимъ соображеніямъ сочиненіе студента Коробейникова можетъ признано удовлетворительною кандидатскою диссертациею.

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора К. Попова:

„Сочиненіе студ. П. Коробейникова, весьма интересное по темѣ и содержанію, состоитъ изъ введенія, въ которомъ авторъ изъясняетъ значеніе слова апокрифическій, даетъ понятіе о такъ называемыхъ апокрифическихъ Евангеліяхъ и сообщаетъ свѣдѣнія о печатныхъ изданіяхъ ихъ, и изъ двухъ частей. Въ пяти краткихъ главахъ 1-ой части изслѣдуется „Первоевангеліе Іакова“, въ 1-ой главѣ 2-ой части авторъ предлагаетъ очень краткія замѣчанія объ „Арабскомъ Евангеліи дѣтства Спасителя“ и въ концѣ ея заявляетъ, что ему не удалось закончить свое изслѣдованіе этого памятника; 2-я глава заключаетъ въ себѣ русскій переводъ названнаго Евангелія. На всемъ сочиненіи г. Коробейникова лежитъ отпечатокъ умнаго изслѣдователя, но также видны слѣды незаконченности и несовершенства обработки его изслѣдованія. Съ большею подробностію и усѣхомъ обработаны введеніе и первая часть сочиненія, и изъ 2-ой части можетъ быть принята во вниманіе только русскій переводъ „Евангелія дѣтства Спасителя“. Авторъ пишетъ благороднымъ, серьезнымъ ученымъ языкомъ, и однакожъ въ его сочиненіи не мало худо поставленныхъ, неправильныхъ и даже неясныхъ выраженій. Онъ обнаруживаетъ хорошее знакомство съ источниками и пособиями, удачно изъясняетъ и освѣщаетъ историческія извѣстія, отлично пользуется учеными гипотезами, одобряя наилучшія, подвергая основательной критикѣ произвольныя и бездоказательныя и на ихъ мѣсто поставляя свои собственныя. И въ тоже время въ его сочиненіи встрѣчаются сужденія мало обоснованныя, мысли недостаточно ясныя и предположенія, неимѣющія твердыхъ доказательствъ. Чтеніе сочиненія г. Коробейникова поселаетъ въ читателѣ твердое убѣжденіе, что указанные недостатки произошли отъ той торопливости, съ которою автору приходилось обрабатывать свое сочиненіе и переписывать его и что они

были бы непременно устранены, если бы онъ располагалъ большимъ временемъ. Такъ какъ отмѣченныхъ недостатковъ сравнительно мало, а достоинствъ очень много, то и сочиненіе г. Коробейникова признаемъ очень хорошимъ“.

20) О сочиненіи студента Ивана *Левитскаго* на тему „Службы Рождества Христова и Богоявленія“ (Историко-археологическій очеркъ).

а) Ординарнаго профессора А. Дмитріевскаго:

„Сочиненіе г. Левитскаго съ внѣшней стороны имѣетъ всѣ данныя на то, чтобы считаться приличною кандидатскою диссертациею: оно состоитъ изъ предисловія и пяти главъ.

Въ весьма краткомъ предисловіи, на трехъ страничкахъ разгониатаго письма, если не принимать во вниманіе перечисленія источниковъ и пособій, авторъ успѣлъ, однакоже, довести до свѣдѣнія своего читателя, что ему „предстояла *трудная работа*—разсмотрѣть историческую судьбу службъ Рождества и Богоявленія“, что вопросъ этотъ „до сихъ поръ *никѣмъ* не затрагивался въ нашей литературѣ“ и даже „*совершенно* не разработанъ“ и что, наконецъ „крайняя скудость источниковъ и пособій на выбранную тему въ значительной степени парализовала всю его работу“ (стр 1—11). Всѣ эти сѣтованія не мало, однакоже, не помѣшали ему здѣсь же, въ предисловіи, насчитать 22 источника и не мало не много 38 *пособій*, при чемъ всѣ эти пособія оказались исключительно на родномъ російскомъ языкѣ. И имѣй папъ авторъ больше терпѣнія и мы увѣрены, что число этихъ пособій у него перевалило бы за цифру сорокъ, такъ какъ въ числѣ пособій мы не нашли у него указаній на статью съ „художественнымъ описаніемъ“, праздника Рождества Христова на границѣ Египта и Нубіи прот. І. Андріевскаго и др.

Не смотря на то, что задача сочиненія опредѣлялась его темою и хорошо сознавалась и авторомъ, о чемъ онъ ясно говорить въ прелисловіи, такъ какъ „разсмотрѣть историческую судьбу службъ Рождества Христова и Богоявленія“ въ цѣломъ видѣ представлялось ему „трудною работою“, то онъ рѣшился облегчить себя елико возможно, и поставилъ слѣдующія сравнительно легкія задачи: 1) „опредѣлить время происхожденія службъ Рождества Христова и Богоявленія, 2) пѣснопѣвцевъ, принимавшихъ участіе въ составленіи этихъ службъ и 3) историческія (sic) измѣненія въ обрядахъ и чинопослѣдованіяхъ этихъ службъ со временъ древнѣйшихъ вплоть до нашихъ дней“ (стр. II). Совладать съ этими задачами, при наличности даже среднихъ интеллектуальныхъ и литературныхъ талантовъ, имѣя въ виду указанныя имъ 38 пособій на русскомъ языкѣ, уже дѣло сравнительно не трудное, но г. Левитскій нерѣдко оказывался безсильнымъ и предъ этими скромными задачами и обнаружилъ, по нашему мнѣнію, отсутствіе навыка къ серьезной *самостоятельной* работѣ мысли и даже къ умѣнью свободно и послѣдовательно излагать мысли, добытыя имъ внимательнымъ изученіемъ извѣстныхъ ему пособій.

Основной существенный недостатокъ, происходящій чрезъ все сочиненіе г. Левитскаго,—это полная зависимость его отъ источниковъ и пособій и не умѣнье разобраться въ достоинствахъ послѣднихъ. Собравъ необходимый для себя матеріалъ изъ извѣстныхъ ему 38 пособій и стараясь непременно использовать его весь въ своемъ сочиненіи, онъ не мало не задумывается надъ тѣмъ, что въ его пособіяхъ высказывающіяся мнѣнія уже устарѣвшія, наукою отвергнутыя (напр., о существованіи на Руси въ церковной практикѣ студійскаго устава, что уставъ патріарха Алексѣя въ М. Синодальной рукописи № 330—380 можно считать за памятникъ стулійской практики и др.) и стоящія иногда въ прямомъ противорѣчіи съ мнѣніями новѣйшихъ послѣдователей. Дорожа каждою печатною строкою своихъ

источниковъ, онъ стремится такъ или иначе включить ее на страницы своей диссертации, не мало не обращая вниманія на то, что ему хорошо извѣстны новыя данныя по тому же вопросу, дающія возможность подойти къ рѣшенію вопроса его ближе и скорѣе. Такъ, въ первой главѣ своего сочиненія, трактующаго о времени происхожденія праздниковъ Рождества Христова и Богоявленія съ книжкою, довольно уже устарѣвшею нынѣ, бывшаго проф. нашей Академіи Ѳ. Смирнова (нынѣ епископа Христофора): „Происхожденіе и значеніе праздника Рождества Христова“, онъ почти исключительно анализируетъ ее, не обращая совершенно вниманія на извѣстный ему памятникъ IV вѣка „*Peregrinatio ad loca Sancta*“, который вопреку этому можетъ освѣщать съ новой стороны, не доступной г. Ѳ. Смирнову въ свое время.

Зависимость отъ источниковъ и пособій, въ рамкахъ строго очерченныхъ предѣлами указанныхъ выше задачъ, не подсказала автору необходимости познакомиться съ памятниками, которые даютъ матеріалъ для сочиненія, всесторонне, напр., прочитавъ предисловіе къ моей книгѣ: „Описаніе литургическихъ рукописей, хранящихся въ бібліотекахъ православнаго Востока, т. I, *Тбілісѣ*“, содержащее въ себѣ опредѣленное мнѣніе объ евергетидскомъ Типиконѣ, который онъ считаетъ и за іерусалимскій и за студійскій Типиконъ. Также причина обременила настоящее сочиненіе излишествами, не имѣющими никакого отношенія къ дѣлу. Такъ онъ много останавливается на гимнахъ пр. Ефрема Сирина (стр. 101—107) единственно лишь потому, что они сочинены св. отцемъ въ честь праздника Рождества Христова, не имѣя никакого основанія сдѣлать по отношенію къ нимъ даже и того простого предположенія, какое онъ выразилъ на страницахъ своего сочиненія, что „эти столь высокіе духовные гимны не только въ домахъ распѣвались, но и въ храмѣ при Рождественскомъ богослуженіи, пока не явились новыя „умилительныя пѣснопѣнія“, вытѣснившія

первая (стр. 107 — 108). По тѣмъ же основаніямъ удѣлено имъ еще болѣе мѣста „поздравительнымъ привѣтствіямъ и припѣвамъ, исполнявшимся въ древней Византіи при выходахъ царей“ въ праздники Рождества Христова и Богоявленія, хотя они и, по мнѣнію нашего автора, только „почти настоящіе церковные стихи и стихиры, изображающіе самого Христа“ (стр. 227), составленныя, „по всей вѣроятности какими нибудь придворными лицами, имѣвшими при этомъ въ рукахъ въ качествѣ образцовъ духовныя пѣснопѣнія св. Іоанна Дамаскина, Козьмы и другихъ“ (стр. 298).

Однако эти излишества имѣютъ въ сочиненіи хотя бы и то право на появленіе здѣсь, что они или писаны на праздникъ Рождества Христова, или пѣлись во дворцѣ въ честь императора въ праздники Рождества Христова и Богоявленія, но здѣсь мы видимъ излишества, не поддающіяся никакому объясненію, напр., „частный“ и по мнѣнію нашего автора, вопросъ, когда появилось и къмъ установлено всеобщее бдѣніе“ (стр. 215), свѣдѣнія объ открытіи въ свѣтъ *Peregrinatio ad loca Sancta* (стр. 218), объ участіи Іоанна Дамаскина въ редактированіи церковнаго устава (стр. 261—262), множество біографическихъ и бібліографическихъ подробностей объ авторахъ, произведенія которыхъ, по предположенію г. Левитскаго, входили въ составъ богослуженій обоихъ разсматриваемыхъ праздниковъ „художественное описаніе“, о. Андріевскимъ праздника Рождества Христова на границѣ Египта и Нубіи“ и др.

Какъ далеко простираетъ свою зависимость отъ пособій г. Левитскій, яркимъ образчикомъ можетъ служить тотъ фактъ, что онъ часто говоритъ буквальноими словами этихъ пособій и даже не стѣсняется выражаться ихъ *авторитетнымъ* тономъ. „Мы разъясняемъ древнѣйшую основу обряда“, пишетъ г. Левитскій объ обычаѣ „долѣ сѣданія“ на вечернѣ въ канунъ праздника Рождества Христова, повторяя дословно проф. И. Д. Мансветова и не оскобля этихъ мыслей кавычками,

и, выделяемъ его изъ подъ наслонившихся литургическихъ деталей позднѣйшаго времени“ (стр. 140 сравн. Мансветова „О церковн. уставѣ“ стр. 155, М. 1885). И такія выраженія нерѣдки на страницахъ даннаго сочиненія. Даже анализы нѣкоторыхъ пѣснопѣній онъ находитъ болѣе удобными для себя извлекать прямо изъ печатныхъ книжекъ. Такъ напр., анализъ Богоявленскаго канона: „Глубины открылъ есть дно“ цѣликомъ взять имъ изъ книжки о пѣснописцахъ прот. Флоринскаго Н. И. (стр. 160—161); у Левитскаго (стр. 269—272).

Но мы были бы въ своемъ отзывѣ односторонними, если бы умолчали о самостоятельности нашего автора въ разбираемомъ нами сочиненіи. Г. Левитскій, поставившій для себя одну изъ задачъ—*опредѣлить*, между прочимъ, и вмена пѣснописцевъ, принимавшихъ участіе въ составленіи службъ праздниковъ Рождества Христова и Богоявленія (стр. II), этой своей задачѣ удѣляетъ въ своемъ изслѣдованіи мѣста болѣе, чѣмъ онъ на то имѣлъ права и выполняетъ со свойственными ему добросовѣстностію и усердіемъ, достойными, впрочемъ, лучшаго примѣненія. Упуская изъ вниманія весьма распространенную методу составленія церковныхъ пѣснопѣній—*подражательную*, при которой слабѣйшій и позднѣйшій пѣвецъ строитъ свое поэтическое произведеніе по примѣру или образцу болѣе искусному и оригинальному, подражая не только въ размѣрѣ стиховъ, въ началѣ и концѣ стихиръ, но даже въ мысляхъ и оборотахъ, г. Левитскій беретъ не благодарный на себя трудъ—подыскивать автора для каждаго пѣснопѣнія, входящаго въ службы данныхъ праздниковъ, и дѣлаетъ путемъ анализа содержанія пѣснопѣній, указаній на сходства отдѣльныхъ выраженій, причемъ беретъ во вниманія даже отдѣльныя слова, въ родѣ напр., „мы же“ (ἡμεῖς ἐγὼ) (стр. 126) „тѣмъ же“ (стр. 234) „верхъ“ (стр. 275) и даже союзы: „бо“ и „ибо“ (стр. 253). Съ указанными приемами критики изслѣдователь, не колеблясь, признаетъ ту или иную стихирѹ принадлежащею тому или

аному пѣснописцу (стр. 274), или утверждаетъ, что она можетъ быть приписана такому то автору (стр. 276) и др. Наиболѣе вѣрный и пока единственно возможный способъ опредѣленія составителей церковныхъ пѣснопѣній по ихъ надписаніямъ въ древнихъ рукописныхъ богослужебныхъ книгахъ почему-то не встрѣчаетъ симпатій у нашего автора. По поводу первыхъ трехъ стихирь „на хвалитѣхъ“ въ службѣ Богоявленія, приписанныхъ еп. Порфиріемъ на основаніи ватопедскихъ стихирарей 1292 и 1293 годовъ св. Іоанну Дамаскину, г. Левитскій, напр., безъ обиняковъ выражается такъ: „Очевидно, здѣсь недоразумѣніе: или преосв. Порфирій *нануталъ* (sic) или же въ самомъ дѣлѣ есть *ошибка* въ Ватопедскихъ рукописныхъ стихираряхъ“ (стр. 245—246). Нѣсколько ниже, по поводу стихирь: „Господи исполни хотя, аже уставишь еси отъ вѣка“. входящей въ составъ стихирь на литіи въ праздникъ Богоявленія и надписываемой нынѣ именемъ „Іоанна монаха“, а въ Ватопедскихъ стихираряхъ именемъ „Іосифа скевофилакса“, онъ замѣчаетъ: здѣсь, очевидно, какое-то *недоразумѣніе*. Или преосв. Порфирій не разобралъ, какъ *слѣдуетъ* ватопедскихъ рукописныхъ стихирарей, или же ватопедскіе стихирари испорчены какими-то невѣжественными людьми“ (стр. 248). Въ такомъ родѣ можно видѣть въ сочиненіи г. Левитскаго не мало примѣровъ, его смѣлой самостоятельной критической мысли.

Г. Левитскому принадлежатъ переводъ многихъ стихирь и пѣснопѣній въ службахъ праздниковъ Рождества Христова и Богоявленія съ греческаго языка, на которомъ писаны многіе бывшіе у него подъ руками источники—печатные и рукописные. О качествахъ этихъ переводовъ и о знаніи имъ этого языка можно судить хотя бы и послѣдующимъ примѣрамъ. Ψυχος βαρὺς, переводимый въ нашихъ богослужебныхъ книгахъ, „*гласъ седьмой*“ или буквально гласъ тяжелый, трудный, передается на русскій языкъ прилагательнымъ, *сильный*—

δουλατός (стр. 148, 152); ἐν τῷ ἐὼςπύρῳ μέρει — я стоить патриархъ въ *славномъ отдѣленіи* (стр. 144) вмѣсто: на лѣвой сторонѣ, противопоставляя эту сторону правой — ἐν τῷ δεξιῷ μέρει. Такимъ переводчикомъ заявилъ себя г. Левитскій и въ другихъ многихъ случаяхъ.

Не чуждъ г. Левитскій и самостоятельныхъ сужденій по нѣкоторымъ вопросамъ, связаннымъ съ предметомъ его изслѣдованія. Такъ напр., бесспорно ему принадлежатъ крайне сбивчивыя разсужденія о томъ, какъ и откуда пропикли въ Евергетидскій тишикъ часы кануновъ праздниковъ Рождества Христова и Богоявленія, и о томъ, вошли ли эти часы въ практику византийскихъ монастырей XII в. (стр. 51—52), запутанныя объясненія названія этихъ часовъ *царскими* (стр. 35 и сл. стр. 85) и проч. Никто, конечно, не рѣшится оспаривать у нашего автора его правъ на полную его самостоятельность, когда онъ утверждаетъ, что св. І. Златоустъ „составлялъ пѣснопѣнія свои и *устроялъ торжественныя съ оными крестныя ходы противъ армянскаго злочестія*“ (стр. 109); что „схизматики“ болгары и по нынѣ на царскихъ часахъ проносятъ похвалу патриарху (стр. 98), конечно, вселенскому, такъ какъ во главѣ болгарской церкви нынѣ стоитъ экзархъ, а не патриархъ, прервавшій съ этою церковью всякое духовное общеніе и до раздѣленія церквей греческой и болгарской, конечно, поминавшійся на многолѣтіяхъ; что турецкій султанъ — „невѣрный язычникъ“ (стр. 97) и другія въ этомъ родѣ сужденія, непостижимыя въ сочиненія студента, прошедшаго высшую богословскую школу.

Но если гдѣ уже могъ проявить свою самостоятельность, то прежде всего, конечно, въ изложеніи фактовъ и сужденій по вопросамъ, затронутымъ г. Левитскимъ въ его сочиненіи, но, къ глубокому сожалѣнію, и эта сторона его работы оставляетъ желать весьма многого. Не упоминая о тавтологіяхъ въ родѣ напр., слѣдующихъ „особенности обрядовыя и *церомо-*

ііальныя“ (стр. 159), „нельзя думать, какъ нѣкоторые думаютъ“ (стр. 111) и о провинціализмахъ, такъ напр., здѣсь говорится все *про* такія явленія, *про* которыя и т. д., *про* то же самое говорится; *про* трепеть рѣки Іордана... *про* смятеніе моря... (стр. 235). *про* явленіе Христа... (стр. 245) и т. д., мы считаемъ не лишнимъ отмѣтить, какъ курьезъ, что всѣ переходы въ сочиненіи на пространства 377 страницъ начинаются однимъ стереотипнымъ глаголомъ: *переходя* или теперь *переходимъ* (стр. 135, 137, 142, 153, 158, 188, 217 и т. д.). Къ удивленію нашему, авторъ ухитрился даже послѣднюю точку своего изслѣдованія начать такъ: „*Переходя, на конецъ,* къ богослуженію русской церкви въ настоящее время и т. д., заявивъ въ ней, послѣ „художественнаго описанія“ праздника Рождества Христова на границѣ Египта и Нубія, конечно, къ полному изумленію своего читателя, что, въ качествѣ особенности въ богослуженіи ея въ день Рождества Христова, „представляется особое благодарственное молебное пѣніе по случаю избавленія церкви и державы російскія отъ нашествія Галловъ и съ ними двадцати языковъ въ 1812 году“ (стр. 377).

Таковъ трудъ г. Левитскаго, представленный имъ для полученія степени кандидата и наводящій насъ на серьезныя глубокія размышленія. Судя безъ относительно, какъ о первомъ научномъ трудѣ цѣлаго года, его слѣдуетъ отнести къ сомнительнымъ и неудовлетворяющимъ своему назначенію студенческимъ сочиненіямъ, но если принять во вниманіе трудолюбіе автора, его горячее желаніе обхватить весь печатный матеріаль, такъ или иначе относящійся къ избранной имъ темѣ, напряженіе его слабо дисциплированной мысли критически установить, — конечно, понимая приемы этой критики наивно по своему, — имена авторовъ, произведенія которыхъ вошли въ составъ службъ праздниковъ Рождества Христова и Богоявленія, его любовь къ предмету сочиненія „съ юныхъ лѣтъ“ (стр. 1) какъ церковнаго человѣка, и другія его качества, какъ сту-

дента вообще, то я позволяю взять на себя смѣлость ходатайствовать передъ Совѣтомъ Академіи—не считать сочиненіе въ настоящемъ видѣ препятствіемъ для г. Левитскаго къ полученію имъ желанной степени“.

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора В. Пѣвницкаго:

„Авторъ съ кротолливою подробностію изображаетъ предметъ, избранный имъ для своего сочиненія.

Сочиненіе его состоитъ изъ пяти главъ.

Первая глава, въ которой говорится о времени происхожденія праздниковъ Рождества Христова и Богоявленія, имѣетъ значеніе части вводной.

Самыя службы указанныхъ праздниковъ описываются въ слѣдующихъ четырехъ главахъ. Во второй главѣ описывается чинъ царскихъ часовъ въ навечеріе Рождества Христова и Богоявленія, въ третьей—чинъ вечерня, соединяемой съ литургіею въ повечеріе Рождества Христова и Богоявленія, въ четвертой—говорится о крещеніи оглашенныхъ, двукратномъ богоявленскомъ водоосвященіи и о постѣ предпраздничномъ; въ послѣдней пятой главѣ описывается чинъ утренняго богослуженія и литургія въ самые дни праздниковъ Рождества Христова и Богоявленія. Въ каждой изъ четырехъ главъ, описывающихъ службы праздниковъ Рождества Христова и Богоявленія, говорится во первыхъ о времени происхожденія службъ и частей, ихъ составляющихъ, во вторыхъ о пѣснопѣвцахъ, принимавшихъ участіе въ составленіи службъ, и въ третьихъ о тѣхъ измѣненіяхъ въ обрядахъ и чинопослѣдованіяхъ службъ, какія происходили и допускались въ разные времена и въ разныхъ мѣстахъ.

Авторъ, въ началѣ своего изслѣдованія, говоритъ, что вопросъ о службахъ Рождества Христова и Богоявленія никѣмъ

не затрагивался въ нашей литературѣ, и жалуется на то, что крайняя скудость источниковъ и пособій на избранную имъ тему много затрудняла его работу. Между тѣмъ онъ указываетъ 23 источника и 38 пособій, какими онъ пользовался при своей работѣ. Всѣ эти источники и пособия онъ изучилъ очень хорошо и использовалъ изъ нихъ все, что они могли давать ему къ уясненію его предмета. Къ руководителямъ своимъ, при помощи которыхъ онъ составлялъ свое изслѣдованіе, онъ относился съ подобающимъ уваженіемъ. Самостоятельностью изслѣдованія сочиненіе не отличается; но въ положеніи автора трудно было ожидать отъ него этой самостоятельности. Достаточно для него, что онъ хорошо усвоилъ и изложилъ то, что напелъ у авторитетныхъ представителей науки.

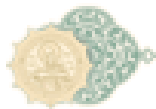
Полной обработки сочиненіе не получило; но особенно видныхъ недостатковъ изложенія въ немъ не заключается.

Во вниманіе къ кропотливому труду автора, обилію собранныхъ имъ свѣдѣній, полнотѣ изслѣдованія предмета и добродушному ревностному настроенію, обнаруженному въ сочиненіи, его сочиненіе нельзя не признать удовлетворительнымъ для степени кандидата“

21) О сочиненіи студента *Михайла Мильскаго* на тему: „Характеристика западно-русской полемической литературы второй половины XVII вѣка“.

а) Экстраординарнаго профессора, протоіерея *Θ. Титова*:

„Сочиненіе состоитъ изъ введенія и двухъ частей. Въ краткомъ введеніи (стр. I—X) авторъ говоритъ о томъ, съ кѣмъ и о чемъ полемизировали западно-русскіе православные писатели во второй половинѣ XVII в. Ихъ полемика, какъ справедливо разсуждаетъ авторъ, была направлена противъ латино-уніатства, еврейства, магометанства, язычества и отчасти протестантства.

Въ первой части (стр. 1—43), послѣ краткой общей характеристики положенія православія и русской народности въ западной Руси во второй половинѣ XVII в., авторъ обозрѣваетъ преимущественно со стороны содержанія латино-польскія сочиненія, явившіяся въ это время противъ православія, а именно сочиненія іезуитовъ: Н. Циховія, Воймы и Ө. Рутки.

Вторая часть (стр. 44—168) состоитъ изъ 5 отдѣльных главъ, предваряемыхъ общимъ небольшимъ разсужденіемъ автора объ отношеніи православія къ униі. Въ первой главѣ этой части сочиненія обозрѣвается полемическая литературная дѣятельность Лазаря Барановича, во второй—Іоаннікія Голятовскаго, въ третьей—Варлаама Ясинскаго, въ четвертой—Зосимы Сोगнѣкевича и въ пятой—Адама Зерникова.

Въ заключеніи (стр. 169—196), послѣ краткихъ общихъ замѣчаній о богословскихъ полемическихъ курсахъ, составлявшихся и преподававшихся въ Кіевской Академіи во второй половинѣ XVII в., характеризуется полемическая западно-русская литература второй половины XVII в. со стороны цѣли, общаго содержанія и значенія ея.

Таково содержаніе сочиненія. Въ сочиненіи есть неточности и ошибки.

Такъ, напр., на стр. 4 авторъ говоритъ, будто польское правительство „впродолженіе 40 лѣтъ, вслѣдствіе безпрерывныхъ казачьихъ возстаній и невозможности овладѣть мѣстными массы южно-русскаго народа, должно было выносить присутствіе православныхъ святителей“.

Трудно сказать, что собственно здѣсь имѣетъ въ виду авторъ; если же онъ разумѣетъ въ данномъ случаѣ фактъ возстановленія западно-русской іерархіи въ 1620 году, то онъ выражается не ясно, неопредѣленно и не точно.

Выраженіе автора (на стр. 9), что Кириіанъ Жоховскій, *епископъ Бѣлорусскій*, былъ *сначала православнымъ, а потомъ присоединился къ униі*, дважды ошибочно.

Также неправильно говорить авторъ на стр. 45, будто известное пово-дворское собраніе представителей православныхъ западно-русскихъ братствъ было въ 1680 г., такъ какъ на самомъ дѣлѣ оно происходило въ августѣ 1681 г.

Слова автора (стр. 150), что сочиненіе Адама Зерникова о Св. Духѣ было издано въ 1676 г. въ Кенигсбергѣ м. *Самуиломъ Миславскимъ* мы считаемъ прискорбнымъ недосмотромъ со стороны автора грубой описки переписчика.

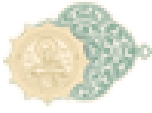
Характеристика полемиической литературы второй половины XVII в. сдѣлана авторомъ хотя и вѣрно, но кратко, какъ бы бѣгло. Особенно жаль, что авторъ не отмѣтилъ реального историческаго бытоваго характера въ полемикѣ.

Сочиненіе автора въ то же самое время обладаетъ и крупными достоинствами. Оно вполне обнимаетъ предметъ и обнаруживаетъ въ авторѣ тщательное, внимательное и самостоятельное изученіе памятниковъ полемиической литературы. Изложеніе сочиненія—вполнѣ литературное.

Вообще сочиненіе автора, по нашему мнѣнію, можетъ быть признано вполнѣ удовлетворительною кандидатскою диссертациею“.

б) Ординарнаго профессора В. Завитневича:

„Сочиненіе начинается введеніемъ, въ которомъ дѣлается нѣсколько краткихъ замѣчаній о полемиическихъ сочиненіяхъ Іоанникія Голятовскаго противъ евреевъ, магометанъ, язычниковъ и протестантовъ. Центральная часть сочиненія г. Мильскаго дѣлится на двѣ части. Въ первой части идетъ рѣчь о сочиненіяхъ латинскихъ полемистовъ Н. Циховія, Боймы и Рутки; во второй части, которая подраздѣляется на пять главъ, рассматриваются сочиненія православныхъ полемистовъ: Іазаря Барановича, Іоанникія Голятовскаго, Варлаама Ясинскаго, Зосимы Согойкевича и Адама Зерникова. Въ заключеніи дѣлается общая оцѣнка рассматриваемой литературы.

Въ нашей западно-русской полемической литературѣ, послѣ ея пышнаго расцвѣта въ концѣ XVI и въ началѣ XVII в., на нѣкоторое время наступаетъ затишье, обусловленное тяжелымъ политическимъ состояніемъ страны. Съ прекращеніемъ войнъ за Малороссію съ умиротвореніемъ края замѣчается въ немъ и оживленіе просвѣщенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возрожденіе литературой борьбы съ врагами православія, но уже при новыхъ условіяхъ, не оставшихся безслѣдными и для характера самой полемики. Прежде всего необходимо замѣтить, что такіе культурно-національные центры, какъ Львовъ, Острогъ, Вильна, служившіе раньше разсадниками просвѣщенія и оплотомъ православія и русской народности въ предѣлахъ католической Польши, мало-по-малу начинаютъ утрачивать свое прежнее значеніе и жизненный центръ переносится къ востоку, въ границы православной Москвы, подъ защитой которой культурно укрѣпляются города: Кіевъ, Черняговъ и даже Новгородъ-Сѣверскъ. Вмѣстѣ съ этимъ и характеръ литературной школы существенно измѣняется: вмѣсто реализма братскихъ школъ, выступаетъ схоластика Кіево-Могилянської Академія, кладущая особую печать и на литературныя произведенія ея питомцевъ. Въ виду отсутствія спеціальныхъ монографій, посвященныхъ изученію литературныхъ памятниковъ этой эпохи, г. Мильскому въ его работѣ пришлось встрѣгаться съ серьезнымъ затрудненіемъ: пришлось слѣдить и за библіографіей изучаемыхъ сочиненій, число которыхъ доходитъ до полутора десятка, и за ихъ содержаніемъ, которое никѣмъ серьезно не было изучено; наконецъ, ему пришлось опредѣлить мѣсто cadaго литературнаго памятника не только среди аналогичныхъ памятниковъ современной литературы, но и въ общемъ ходѣ западно-русской полемической литературы. Авторъ приложилъ не мало труда къ своему сочиненію, и не безрезультатно.

Его сочиненіе въ общемъ даетъ довольно полное понятіе о ходѣ изучаемой имъ полемики. Жаль только, что авторъ не

воспользовался имѣвшимися въ его распоряженіи данными и не опредѣлилъ степень зависимости изучаемой имъ литературы отъ болѣе раннихъ памятниковъ западно-русской полемики, какова, напр., Палинодія З. Копыстенскаго. Не составляя новаго открытія, фактъ этотъ послужилъ бы подтвержденіемъ уже давно высказанной мысли, что выходяшіе изъ Кіево-Могилянської коллегіи ученые, благодаря заѣдавшей ихъ тамъ схоластикѣ, не могли создать что нибудь подобное Палинодіи, а только, по выраженію Стебельскаго, изъ нея „iак ze zrodla zagaz liwe brali naukr“. Затѣмъ автора можно упрекнуть въ не совѣтъ правильномъ отношеніи къ той литературѣ, которою онъ пользовался, а равно въ недосмотрахъ, слѣдствіемъ которыхъ явились грубыя описки, въ родѣ, напримѣръ, увѣренія, что іезуиты вызваны были въ Польшу въ 1654 г., Іоанникій Голятовскій умеръ въ 1668 году и др. Думаю однако же, что основная часть труда, не смотря на сложность взятой г. Мильскимъ на себя задачи, исполнена настолько удовлетворительно, что даетъ ему право на полученіе кандидатской степени“.

22) О сочиненіи студента Николая *Москалевича* на тему: „Нравоучительный элементъ въ кругѣ наукъ старой Кіевской Академіи (до 1763 года)“.

а) Доцента В. Экземплярскаго:

„Авторъ рассмотрѣлъ въ первой главѣ своего сочиненія школьные катихизисы, служившіе руководствами въ старой Кіевской Академіи; во второй—популярные курсы казуистическаго богословія; 3-ю главу авторъ посвятилъ рассмотрѣнію проектированной въ свое время Духовнымъ Регламентомъ „книжицы“ о собственныхъ всякаго чина достоинствахъ и краткимъ замѣчаніямъ о нравственной философіи Г. С. Сковороды. Въ этой послѣдней главѣ авторъ помѣщаетъ впервые имъ извлеченное изъ указовъ Св. Синода за 1745 годъ оглавленіе второй части

вышеназванной „книжицы“. Отъ разсмотрѣнія обще богословскихъ и философскихъ курсовъ, преподававшихся въ Киевской Академіи на латинскомъ языкѣ, авторъ отказался по вполнѣ уважительнымъ соображеніямъ, именно по непомѣрной трудности этого дѣла.

Сочиненіе г. Москалевича носитъ преимущественно описательный характеръ. Разсматривая извѣстную книгу, онъ указываетъ, въ какихъ частяхъ своего содержанія она заключаетъ нравоучительный элементъ и затѣмъ подробно излагаетъ это нравоученіе, лишь съ краткими и научно необоснованными указаніями на то, откуда заимствовалось содержаніе этихъ трудовъ и съ самой общей ихъ характеристикой. Только изложенію воззрѣній Сковороды авторъ предпосылаетъ рѣчь постановкѣ преподаванія философіи въ Академіи и частиѣ говорить объ этикѣ Г. Конисскаго.

Сочиненію г. Москалевича не можетъ быть усвоено строго научное значеніе, такъ какъ авторъ пользуется уже опубликованными въ печати изданіями интересующихъ его трудовъ, за указаннымъ исключеніемъ, и конечно, безъ критическаго отношенія къ этимъ изданіямъ; самый же почти исключительно описательный способъ изложенія матеріала рѣшительно лишаетъ меня возможности высказать сужденія объ авторѣ сочиненія и о степени подготовленности его къ научнымъ занятіямъ. Но принимая во вниманіе то, что авторъ работалъ самостоятельно и исполнилъ прямую задачу, требуемую отъ него темою, я признаю настоящее сочиненіе удовлетворительною кандидатскою диссертацией“.

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора Н. Петрова:

„Богословіе стало преподаваться въ Киевской Академіи съ 1689 года, по примѣру тогдашнихъ польско-католическихъ академій, но преподавалось въ ней не въ полномъ его объемѣ. Тогда какъ въ католическихъ академіяхъ параллельно велось

богословія спекулятивное, полемическое, позитивное и нравственное, — въ Киевской Академіи преподавалось только схоластическое богословіе, съ привнесеніемъ въ него элементовъ и остальныхъ богословій, а слѣдовательно и правоучительнаго. Но внѣ Киевской Академіи бывшіе воспитанники ея дѣлали опыты и въ другихъ видахъ богословія и популяризировали ихъ. Задача автора и состояла въ томъ, чтобы собрать воедино и обозрѣть всѣ элементы правоученія въ Киевской Академіи и у бывшихъ ея воспитанниковъ до введенія нравственнаго богословія, какъ особой науки, въ кругъ академическаго образованія, т. е. до 1763 г. (вѣрнѣе 1764 г.), когда эта наука впервые проэктировалась, какъ особая богословская наука. Соотвѣтственно своей задачѣ, авторъ предполагалъ искать правоучительнаго элемента въ слѣдующихъ разрядахъ сочиненій Киевскихъ ученыхъ: 1) школьныхъ катихизисахъ; 2) курсахъ богословія и философіи; 3) казуистическихъ или правоучительныхъ богословійхъ и 4) въ „книжницѣ о должностяхъ всякаго чина“. Но такъ какъ отъ анализа правоучительнаго элемента въ богословскихъ и философскихъ системахъ авторъ отказался, въ виду сложности и трудности предмета; то у него въ дѣйствительности разсматриваются въ трехъ главахъ только три, а не четыре, источника правоученія, съ присоединеніемъ къ третьей главѣ сочиненія краткаго обзора правоучительныхъ сочиненій Гр. С. Сковороды и отчасти Давида Нащивскаго.

Первая глава сочиненія содержитъ въ себѣ обзоръніе школьныхъ катихизисовъ Киевской Академіи, къ числу которыхъ у автора относятся: Православное исповѣданіе вѣры Петра Могилы, будто бы по изданіи его въ 1645 году преподававшееся въ Киевской Академіи, краткій катихизисъ 1665 года, „Заповѣди содалистамъ“ 1720 — 1 г. и „Видѣніе, какъ всякому о своемъ званіи вопрошающему содалесь отвѣтствовать долженствуетъ“, около 1731 года. Выѣсто краткой характеристики каждаго изъ этихъ катихизисовъ, авторъ излагаетъ право-

учительное содержаніе каждаго изъ нихъ по схемѣ нынѣшняго православнаго богословія, показывая, впрочемъ, хотя и въ общихъ чертахъ, зависимость послѣднихъ трехъ катихизисовъ отъ католическихъ катихизисовъ. Здѣсь точнѣе можно было бы указать на католическіе источники этихъ школьныхъ катихизисовъ и именно на катихизисъ католическаго богослова Беллармина. Но указаніе на преподаваніе въ Киевской Академіи въ XVII вѣкѣ Православнаго исповѣданія вѣры Петра Могилы болѣе чѣмъ сомнительно. По этой книжкѣ преподавался въ низшихъ классахъ Киевской Академіи катихизисъ уже въ XVIII вѣкѣ, при Киевскомъ митрополитѣ Арсеніи Могилянскомъ.

Во второй главѣ дѣлается обзоръ трехъ казуистическихъ или нравоучительныхъ богословій, составленныхъ Киевскими учеными, каковы: „Миръ челоѣка съ Богомъ“ Иннокентія Гизеля, 1669 года; рукописная наука краткихъ вопросовъ и отвѣтовъ катихизическихъ“ и проч., Симеона Полоцкаго, 1671 года, и „Книга о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ“, обыкновенно приписываемая Пароенію Сопковскому и впервые изданная въ 1776 году. Эти казуистическія богословія соотвѣтствуютъ нынѣшнему пастырскому богословію, съ обильнымъ нравоучительнымъ элементомъ, относящимся къ добродѣтелямъ и грѣхамъ пасомыхъ. Этотъ матеріалъ авторъ выдѣлилъ изъ казуистическихъ богословій и опять-таки распредѣлилъ его, при его обзорѣ, по рубрикамъ современной намъ системы нравственнаго богословія. Не смотря однако на искусственность такого распредѣленія, глава эта читается съ большимъ интересомъ, благодаря новизнѣ предмета въ нашей наукѣ и жизненности самаго содержанія. При томъ же авторъ все таки съумѣлъ подмѣтить въ этихъ богословіяхъ нѣкоторую прогрессивность развитія „такъ какъ, по его взгляду, въ сочиненіяхъ Иннокентія Гизеля и Симеона Полоцкаго замѣтны слѣды схоластики и католическаго вліянія, чего не замѣтно у Пароенія Сопковского“. Къ сожалѣнію, авторъ не познакомился ни съ одной системой

католическаго казуистическаго богословія, чтобы показать степень зависимости наших авторовъ отъ соотвѣствующихъ католическихъ системъ. Не безъинтересно было бы также сопоставить трактатіи этихъ богословіи о грѣхахъ со старорусскими эпитеміи́никами, чтобы видѣть неизмѣримое превосходство первыхъ предъ послѣдними, а также отмѣтить, по имѣющимся даннымъ, и то, съ какимъ глубокимъ интересомъ читались православныя, казуистическія богословія православными южно-русскими священниками ¹⁾.

Въ третьей главѣ авторъ говоритъ о „Книжицѣ о должностяхъ всякаго чина“, которая проэктировалась еще Духовнымъ Регламентомъ 1721 года. Составленіе ея, между прочимъ, поручено было въ 1747 году и Кіевскимъ ученымъ, которые дѣйствительно и составили ея программу и въ значительной мѣрѣ выполнили ее, пользуясь преимущественно сочиненіемъ Инокентія Гизеля „Миръ человѣка съ Богомъ“. Авторъ собралъ достаточно свѣдѣній объ этомъ трудѣ, преимущественно рукописныхъ,—и трудъ его въ этомъ отдѣлѣ представляетъ новинку въ нашей ученой литературѣ. Съ своей стороны мы добавимъ, что „Книжица о должностяхъ всякаго чина“ не была напечатана и въ послѣдней четверти XVIII вѣка замѣнена была книжкою „О должностяхъ человѣка и гражданина“, переведенною изъ Пуффендорфа.

Въ третьей же главѣ авторъ говоритъ о двухъ правоучительныхъ философахъ, вышедшихъ изъ Кіевской Академіи, Гр. С. Сковородѣ и—вскользь—объ архимандритѣ Давидѣ Нащинскомъ. Трактатія объ этихъ философахъ не требовалась постановкою темы у автора, имѣвшего въ виду только богословскія науки, но онъ рѣшился коснуться ихъ для возможной полноты изслѣдованія и показанія прогрессивнаго развитія правоученія въ Кіевской Академіи. Тогда какъ предыдущіе от-

¹⁾ См. „Кіевскую Старину“,—января 1892 г.

дѣлы нравоучительныхъ сочиненій богословскаго характера были болѣе или менѣе подражательны и зависимы отъ католическихъ образцовъ,—Сковорода и Нащинскій дѣлають попытки самостоятельнаго философствованія въ нравоучительной области.

Вообще же сочиненіе автора представляетъ или, по крайней мѣрѣ, намѣчаетъ довольно полную и интересную картину развитія христіанскаго нравоученія въ старой Кіевской Академіи, до введенія особой науки нравственнаго богословія, и раскрываетъ такія живыя стороны богословской академической науки, которыя доселѣ ускользали отъ вниманія нашихъ историковъ. Широта и новость предмета съ одной стороны и незначительность времени для сочиненія — съ другой не дали автору возможности изслѣдовать предметъ всесторонне и съ желательною глубиною. Но все-таки авторъ работалъ много и выполнилъ самостоятельно и заслуживаетъ степени кандидата богословія“.

23) О сочиненіи студента Евгенія *Нагорнаго* на тему: „Полемика православныхъ южноруссовъ съ рачіоналистическими движеніями въ концѣ XVI и первой половинѣ XVII столѣтій“.

а) Заслуженнаго ординарнаго профессора В. Малинина:

„Обширное сочиненіе студента Нагорнаго состоитъ изъ предисловія и двухъ частей изслѣдованія. Въ предисловіи авторъ излагаетъ задачу и планъ своего сочиненія. Въ главѣ первой, части первой указываются благопріятныя условія распространенія рачіоналистическаго религіознаго движенія въ юго-западной Руси въ указанное время. По мнѣнію однихъ ученыхъ движеніе это подготовлено было гуситствомъ, которое нашло себѣ отголосокъ въ тѣхъ же областяхъ; по мнѣнію другихъ благопріятныя условія заключались въ крайнемъ развитіи правъ шляхты и возникавшемъ отсюда угнетеніи народныхъ массъ, въ борьбѣ шляхты съ духовенствомъ, въ невѣжествѣ

низшаго духовенства, въ обогащеніи и нравственномъ упадкѣ духовенства высшаго, въ безучастномъ отношеніи его къ судьбѣ низшаго сословія и къ религіозному его просвѣщенію. Въ главѣ второй той же части содержится обстоятельный очеркъ постепеннаго возникновенія сначала въ Польшѣ и Литвѣ, а потомъ и въ южно-русскихъ областяхъ разныхъ видовъ протестантизма: лютеранства, кальвинизма, соцініанства и даже смѣшанныхъ сектъ; указывается отношеніе къ этому движенію богатыхъ шляхтичей, въ родѣ Николая Радзивилла, и вліяніе этого отношенія на необычайно быстрое распространеніе протестантизма въ предѣлахъ Польши второй половины XVI в. Въ главѣ третьей той же части рисуется тяжелая картина состоянія Южной Руси въ пору борьбы шляхты съ духовенствомъ въ соединенномъ польско-литовскомъ королевствѣ, при взаимномъ столкновеніи католицизма и протестантизма и открывшейся борьбѣ между ними, особенно со времени вызова іезуитовъ. Высшее православное духовенство, увлеченное борьбою за свои права, не сразу даже оцѣнило поддержку, которую встрѣтило со стороны братствъ въ борьбѣ православія съ католичествомъ. Рядъ ограничительныхъ мѣръ, предприятыхъ польскимъ правительствомъ въ охрану католичества, одинаково неблагоприятно отзывался на судьбѣ протестантовъ и православныхъ. Отсюда возникаютъ попытки православныхъ и протестантовъ сплотиться для совокупной борьбы съ католичествомъ. Этотъ вынужденный и не вполнѣ искренній союзъ не могъ долго продолжаться и скоро вызвалъ полемику православныхъ противъ протестантовъ. Обзоръ этой полемики составляетъ содержаніе второй части обширнаго сочиненія студента Нагорнаго. Всего разсмотрѣно авторомъ четырнадцать полемическихъ сочиненій православныхъ противъ протестантовъ. Приемъ автора слѣдующій: сначала излагается біографія полемиста, если она возбуждаетъ спорныя вопросы и необходима для опредѣленія времени происхожденія памятника; затѣмъ представляется

библіографія самого памятника, общее его содержаніе; далѣе слѣдуетъ подробное указаніе содержанія по частнымъ пунктамъ полемики и наконецъ дается заключительная оцѣнка памятника по достоинству доказательствъ и приемовъ полемики. Общее различіе между полемическими сочиненіями второй половины XVII в. указывается авторомъ въ достоинствахъ школы, которую проходили и могли проходить полемисты. Преимущество школы полемистовъ XVII в. оказывается въ возможно строгой системѣ распредѣленія матеріала.

Сочиненіе студента Нагорнаго читается съ интересомъ, доказываетъ въ авторѣ трудолюбіе, добросовѣстное отношеніе къ дѣлу. Обильная литература предмета не дала ему достаточнаго времени на равномерную обработку частей сочиненія. Это замѣтка и въ первой и во второй части сочинія. Стиль сочиненія въ общемъ правильный, безъ излишняго употребленія иностранныхъ словъ. Какъ диссертация на степень кандидата богословія, сочиненіе вполнѣ удовлетворительно“.

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора С. Голубева:

„Отличительную черту исторіи западно-русской церкви составляетъ, какъ извѣстно, борьба православія съ иновѣрными вѣроисповѣданіями. Борьба эта выразилась, между прочимъ, въ цѣломъ рядѣ полемическихъ сочиненій противъ латино-уніатовъ и протестантовъ разныхъ фракцій. Обзору сочиненій послѣдняго рода, — именно обзору полемикъ православныхъ южно-руссовъ съ раціоналистическими движеніями въ концѣ XVI и первой половинѣ XVII столѣтій, — и посвящено сочиненіе студента Нагорнаго.

Оно состоитъ изъ *двухъ* частей. Въ первой изъ нихъ сообщаются общія свѣдѣнія о протестантизмѣ въ западно-русскихъ областяхъ въ 16 и 17 столѣтіяхъ, — именно, выясняются сначала условія, благопріятствовавшія возникновенію и распространенію въ Зап. Руси реформаціонныхъ движеній (глава I);

чатѣмъ кратко излагается самая исторія этихъ движеній (гл. II), и наконецъ трактуется о взаимныхъ отношеніяхъ православныхъ съ состоящими съ ними протестантами, отношеніяхъ въ общемъ мирныхъ, но неисключавшихъ необходимости полемики съ ними по вопросамъ религіознымъ (гл. III).

Во второй, обширной части сочиненія авторъ обозрѣваетъ полемику православныхъ съ протестантами по слѣдующимъ рубрикамъ: 1) старецъ Артемій и его полемическія посланія; 2) князь Андрей Михайловичъ и его письма; 3) сочиненія противъ повѣсти безбожныхъ еретиковъ (сочиненія далѣе неизвѣстныя); 4) „Обличительное списаніе противъ ученія протестантовъ; 5) Предисловіе къ Острожской Библии 1581 г.; 6) Клирикъ В. Острожскій и его протестантскія полемическія сочиненія; 7) Катехизисъ Стефана Зизанія; 8) Катехизисъ 1600; 9) Книга о Вѣрѣ; 10) Омилія Захарія Копыстенскаго; 11) Петръ Могила, какъ противопротестантскій полемистъ и его проповѣдь о Крестѣ; 12) Сильвестръ Коссовъ и его сочиненія Exegesis и Paterikon и 13) Православное исповѣданіе Петра Могилы.

Авторъ хорошо ознакомился съ пособіями на русскомъ языкѣ и умѣло ими воспользовался, обнаруживая при этомъ значительную долю самостоятельности. Но съ языкомъ польскимъ, по видимому, онъ знакомъ мало, что въ особенности обнаруживается при разсмотрѣніи имъ полемическихъ сочиненій, писанныхъ на этомъ языкѣ. Встрѣчаются и другіе дефекты. Напрасно авторъ Лжеисидровы декреталіи считаетъ произведеніемъ іезуитовъ, составленнымъ для возвеличенія папства (стр. 3). Означенный сборникъ появился за много столѣтій до образованія іезуитскаго ордена; да и составленъ онъ не въ интересахъ папства, а епископовъ. Катехизисы, въ особенности православнаго исповѣданія Петра Могилы, съ большими натяжками причисляются къ разряду сочиненій полемистовъ. Въ общемъ же, сочиненіе, свидѣтельствующее о трудолюбіи автора, значительномъ знакомствѣ его съ пред-

метомъ изслѣдованія и навыкѣ къ учено-литературной работѣ, можетъ быть отнесено къ разряду хорошихъ кандидатскихъ сочиненій“.

24) О сочиненія студента іеромонаха *Назарія* (Лежавы) на тему: „Грузинская церковь отъ ея происхожденія до установленія въ ней автокефаліи“.

а) Экстраординарнаго профессора, протоіерея о. Титова:

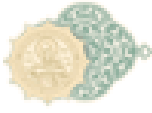
„Сочиненіе состоитъ изъ предисловія, введенія и четырехъ главъ.

Въ краткомъ *предисловіи* (стр. 1—4) устанавливается планъ сочиненія и характеризуются источники, главнымъ изъ которыхъ авторъ признаетъ грузинскія лѣтописи.

Во *введеніи* (стр. 5—33) изображается до-христіанское состояніе Грузіи, какъ почва, на которой суждено было впоследствии распространяться и утверждаться христіанской религіи въ Грузіи. Наибольшее вниманіе авторъ отводитъ съ этомъ отдѣлѣ характеристикѣ язычества, которое было первоначальною религіею обитателей Грузіи, равно какъ и различныхъ религіозныхъ вліяній на древнюю до-христіанскую Грузію.

Въ *первой главѣ* (стр. 34—133) своего сочиненія авторъ говоритъ о постепенномъ проникновеніи и распространеніи христіанства въ Грузію и объ окончательномъ утвержденіи его здѣсь при царѣ Миріанѣ въ IV в. по Р. Хр. Главнѣйшее вниманіе здѣсь авторъ обращаетъ на анализъ и критическій разборъ различныхъ редакцій сказанія о путешествіи св. ап. Андрея Первозваннаго и житія св. Нины, просвѣтительницы Грузіи. Глава заканчивается характеристикой дѣятельности преемниковъ Миріана и вообще первыхъ насадителей христіанства въ Грузію

Во *второй главѣ* (стр. 134—258), послѣ краткаго очерка первоначальнаго іерархическаго устройства грузинской

церкви, авторъ надолго сосредоточиваетъ все свое вниманіе на центральномъ предметѣ главы,—на вопросѣ о пріобрѣтеніи грузинскою церковію правъ автокефаліи, что совершилось—фактически въ VII в., а канонически—въ XI в. Вторая половина этой же главы посвящена разсужденіямъ объ отношеніи грузинской церкви къ другимъ христіанскимъ церквамъ—Антіохійской, Константинопольской и армянской, объ отношеніи церкви къ государству, объ участіи грузинскихъ царей въ церковныхъ дѣлахъ, обезпеченіи духовенства и др. Глава заканчивается общою характеристикою организаціи грузинской церкви и біографическими свѣдѣніями о древне-грузинскихъ іерархахъ.

Въ *третьей главѣ* (стр. 259—366) авторъ говоритъ о состояніи духовнаго просвѣщенія въ Грузіи, при чемъ здѣсь сообщаются свѣдѣнія о началѣ письменности въ Грузіи, о переводахъ св. писанія и богослужебныхъ книгъ на грузинскій языкъ, о житіяхъ святыхъ грузинской церкви и о распространеніи ересей, особенно несторіанства въ Грузіи.

Четвертая глава (стр. 367—473) посвящена рѣчи о религіозно-правственномъ состояніи грузинскаго общества, причемъ здѣсь, въ частности, говорится о вліяніи христіанства на жизнь грузинскаго народа, построеніи имъ храмовъ, поставленіи крестовъ, почитаніи святыхъ, препровожденіи праздниковъ, равно какъ и о нѣкоторыхъ недостаткахъ въ жизни грузинскихъ христіанъ. Рѣчь о грузинскомъ монашествѣ и значеніи христіанства въ жизни Грузіи заканчивается сочиненіемъ.

Таково содержаніе сочиненія. Оно составлено на основаніи весьма тщательнаго изученія авторомъ источниковъ грузинской церковной исторіи. Авторъ относится всегда критически къ источникамъ и пособіямъ, какими пользуется. Въ предположеніяхъ и выводахъ своихъ онъ большею частію остороженъ. Мнѣнія другихъ, болѣе авторитетныхъ ученыхъ (стр. 273) авторъ принимаетъ не иначе, какъ только послѣ основательной провѣрки ихъ. Изложеніе сочиненія, за небольшими исключе-

ніями (стр. 174, 180, 263, 396 и 397), отличается чистотою языка.

Въ качествѣ недостатка, можетъ быть отмѣчено частое уклоненіе автора въ сторону, или же въ такое детальное разсмотрѣніе вопросовъ, какого не требовалось его спеціальною темою. Обширныя критическія экскурсіи автора въ области изученія сказанія о св. ап. Андреѣ Первозванномъ, житія св. Ницы и особенно вопросъ о началѣ письменности въ Грузіи могли бы имѣть мѣсто, по нашему мнѣнію, только въ видѣ подстрочныхъ примѣчаній, или даже особыхъ прибавленій къ сочиненію. Въ иныхъ мѣстахъ замѣтна слабость аргументаціи, особенно тамъ, гдѣ авторъ изображаетъ жизнь древне-грузинской церкви на основаніи позднѣйшихъ, или даже современныхъ явленій (стр. 445—451).

На основаніи сказаннаго, сочиненіе о. Назарія можетъ быть признано, по нашему мнѣнію, очень хорошею кандидатскою диссертаціей“.

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора А. Розова:

„Есть уголки въ исторіи человечества, куда внести свѣтъ историческаго знанія является дѣломъ чрезвычайно труднымъ, почти невозможнымъ. Таковы обыкновенно начальные отдѣлы исторіи гражданской и релігіозной народовъ малыхъ, народовъ второстепеннаго историческаго значенія. Трудность эта создается скудностію историческихъ свидѣтельствъ, современныхъ событіямъ. Сами эти народы еще не успѣвали въ тѣ времена выдвинуть изъ своей среды историческихъ писателей, которые бы отобразили въ словѣ ихъ дѣянія и судьбы. Историки же современники, писавшіе среди тогдашнихъ великихъ культурныхъ народовъ, или не интересовались, или не были ознакомлены съ происходившимъ у малыхъ народовъ, а потому лишь случайно заносили на столбцы своихъ хартій крагкія и отрывочныя о томъ показанія. Правда, въ послѣдствіи у означен-

Журналы.

ныхъ народовъ обычно приходила пора развитія письменности, являлись болѣе или менѣе плодотворные историческіе писатели живо и глубоко интересовавшіеся и настоящимъ и прошлымъ своихъ народовъ, вслѣдствіе чего первоначальная скудость историческихъ свидѣтельствъ смѣнялась большимъ подчасъ изобиліемъ ихъ. Но это изобиліе было обманчивое; это было изобиліе не точныхъ описаній дѣйствительныхъ историческихъ фактовъ, а записей ходячихъ въ народѣ разсказовъ о прошломъ, или такъ называемыхъ преданій, или же собственныхъ домысловъ и предположеній, писателей; изобиліе не правды, а вѣроятностей, безъ указанія критерія для отдѣленія вѣрнаго отъ ложнаго. Для теперешняго историческаго изслѣдованія, ищущаго исторической истины, подобное обиліе позднѣйшихъ свидѣтельствъ можетъ быть болѣе зломъ, чѣмъ первоначальная скудость, такъ усиливается чрезъ то опасность принять миражи за историческіе образы и тѣмъ болѣе уклониться отъ исторической истины, для устраненія каковой опасности онъ вынуждается усугубить критическую бдительность, ничего не принимая на вѣру, и затратить массу труда для созданія такъ сказать историческихъ фактовъ путемъ выдѣленія въ своихъ источникахъ иногда малыхъ крупицъ истины отъ горъ мусора.

Все здѣсь сказанное приложимо и къ предмету ученаго труда о. Назарія. Поэтому ему, какъ историческому изслѣдователю, можно поставить въ большую заслугу предъ наукой и въ большую похвалу то, что онъ понялъ свое рискованное положеніе въ виду характера своихъ источниковъ и принялъ возможные мѣры къ устраненію угрожавшей ему опасности. Правда, можно сказать, что историческая критика его не была достаточно рѣшительна и полна, почему инныя положенія его висятъ въ воздухѣ, но и сдѣланное имъ значительное исправляетъ существующіе въ наукѣ взгляды на отдѣльныя стороны предмета и приближаетъ насъ къ исторической истинѣ. Авторъ *заслуживаетъ похвалы и за стройное логическое распределеніе* матеріала въ сочиненіи и за хорошее изложеніе. Вообще сочи-

неніе о. Назарія оставляетъ въ читателѣ очень благопріятное для себя впечатлѣніе, но... за исключеніемъ введенія къ первой главѣ, „уясняющаго, какая была въ Грузіи почва для принятія христіанства“, полного невѣрныхъ фактовъ и положеній и потому по своему достоинству совершенно несоотвѣтствующаго цѣлому сочиненію. Жаль также, что и переписано сочиненіе небрежно, съ пропусками словъ и выраженій въ однихъ мѣстахъ и съ замѣной однихъ словъ и названій иными въ другихъ, отчего мысли теряютъ въ ясности или искажаются. Какъ ученая диссертация, сочиненіе о. Назарія можетъ быть названо очень хорошимъ кандидатскимъ сочиненіемъ“.

25) О сочиненіи студента Александра *Никифорова* на тему: „Русское сѣверо-восточное монашество на службѣ обществу и государству со второй половины XV до конца XVII вѣка“.

а) Ординарнаго профессора В. Завитневича:

„Содержаніе объемистаго сочиненія г. Никифорова распределено по главамъ такимъ образомъ. Въ первой главѣ разсматривается колонизаціонное служеніе монашества, во второй—миссіонерское, въ третьей хозяйственно-промышленное, въ четвертой благотворительное, въ пятой—судебно административное, въ шестой—просвѣтительное, въ седьмой—политическое. Этотъ планъ сочиненія слѣдуетъ признать удачнымъ; выдѣленіе такого количества отдѣльныхъ рубрикъ помогло автору, во первыхъ, болѣе или менѣе всесторонне разсмотрѣть изслѣдуемый предметъ, во вторыхъ, легче разобраться въ томъ довольно разнообразномъ матеріалѣ, который подлежалъ его изученію. Для выполненія такого плана отъ автора потребовалось не мало труда, и г. Никифоровъ его не пожалѣлъ и вообще отнесся къ дѣлу вполне добросовѣстно; достаточно указать на то, что въ сочиненіи перечислены 102 номера источниковъ и пособій, съ

которыми пришлось имѣть дѣло автору. Къ сожалѣнію, сложность задачи, съ одной стороны, и недостатокъ времени—съ другой, не позволили автору довести его серьезную работу до надлежащей отдѣлки. Недостатокъ отдѣлки отразился прежде всего въ нагроможденіи въ текстѣ сочиненіе сырого матеріала. Способъ излагать мысли словами памятниковъ наукой исторической признается; но нашему автору пришлось имѣть дѣло съ такими памятниками, въ которыхъ много риторической воды и пустословія. Текстами такихъ памятниковъ можно пользоваться лишь подѣ условіемъ предварительнаго внимательнаго анализа ихъ и освобожденія отъ ненужнаго балласта, скрывающаго основную мысль за наборомъ словъ. Нѣкоторые отдѣлы въ сочиненіи разработаны съ меньшимъ вниманіемъ, чѣмъ они заслуживали. Такъ вопросъ о *просвѣтительномъ* служеніи монашества сводится почти исключительно къ перечню рукописей, переписанныхъ монахами, или просто имѣющихся въ монастыряхъ. Есть въ сочиненіи также излишества. Половина обширной седьмой главы, гдѣ говорится о политическомъ служеніи монашества, паполнена выдержками изъ сочиненій тогдашнихъ книжниковъ, работавшихъ надъ обоснованіемъ идеи самодержавія. Чтобы получить право на это, авторъ предварительно долженъ былъ доказать, что пропаганда идеи самодержавія связана была съ какими-нибудь характерными особенностями тогдашней монашеской жизни, а не было общелитературнымъ явленіемъ эпохи, вытекавшимъ изъ историческихъ условій, не имѣвшихъ ничего общаго съ институтомъ монашества. Въ противномъ случаѣ монашеству пришлось бы приписывать то, въ чемъ оно со всѣмъ неповинно.—Но въ общемъ трудъ г. Никифорова представляетъ работу серьезную, въ которой онъ проявилъ много труда и умѣнья.

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора Н. Петрова:

„Избранная авторомъ тема для сочиненія—обширная. Нужно было обзорѣть русское монашество, въ извѣстныхъ отно-

шеніяхъ его жизни и съ извѣстныхъ сторонъ, на протяженіи двухъ съ половиною вѣковъ, а для этого потребовались многочисленные источники и пособія, которыхъ самъ авторъ насчитываетъ въ своемъ предисловіи до 102 №№. Притомъ же, эти источники и пособія далеко не всѣ имѣютъ прямое и непосредственное отношеніе къ избранному предмету и нѣкоторые изъ нихъ касаются его только стороною и какъ бы вскользь. Кажется, въ тѣхъ видахъ, чтобы не растеряться въ обилии и разнообразіи собраннаго и прочитаннаго матеріала, авторъ раздѣлилъ свой предметъ на извѣстные рубрики, въ которыя и заносилъ добытыя имъ изъ разныхъ источниковъ свѣдѣнія, давая имъ извѣстный порядокъ и освѣщеніе. Соотвѣтственно этимъ рубрикамъ, сочиненіе дѣлится на семь главъ: въ первой главѣ разсматривается колонизаціонное. служеніе русскаго сѣверо-восточнаго монашества современному ему обществу и государству; во второй—миссіонерское его служеніе; въ третьей—хозяйственно-промышленное служеніе; въ четвертой—благотворительное; въ пятой—судебно-административное; въ шестой—просвѣтительное и въ седьмой—политико-государственное служеніе. Изъ одной уже многочисленности этихъ главъ нельзя не видѣть, что въ сочиненіи недостаетъ общаго, стройнаго плана изложенія. Тѣ рубрики или главы, на которыя раздѣлено сочиненіе, отзываются искусственностію и нерѣдко вторгаются въ область смежныхъ и даже отдаленныхъ главъ. Такъ напр., автору пришлось касаться пріобрѣтенія монастырями земельных имуществъ и во второй главѣ (стр. 95 и сл.), хотя это—спеціальнѣйшій предметъ первой главы. О государственномъ значеніи монастырей авторъ говоритъ собственно въ седьмой главѣ, но этого предмета онъ касался и въ предыдущихъ главахъ, особенно первой. Впрочемъ, въ послѣдней главѣ сочиненія авторъ устанавливаетъ болѣе крупныя отдѣлы своего сочиненія, когда говоритъ, что въ предыдущихъ главахъ онъ трактовалъ объ общественномъ значеніи русскаго сѣверо-восточнаго

монашества, тогда какъ въ седьмой главѣ говорить о государственномъ его значеніи. Но что касается отдѣльных главъ сочиненія, то всѣ онѣ обработаны весьма тщательно. Каждую изъ сторонъ монастырской жизни, изображаемыхъ въ этихъ главахъ, авторъ старается представить въ историческомъ освѣщеніи, при чемъ отдѣльнымъ монастырямъ и монашествующимъ лицамъ, напр., Троице-Сергіевскому монастырю въ седьмой главѣ и преп. Трифону Печенгскому во второй главѣ посвящаетъ хотя и небольшія, но округленныя изслѣдованія. При изложеніи сочиненія авторъ весьма часто пользуется словами первоисточниковъ, дѣлая изъ нихъ обильныя выписки и не рѣдко представляетъ полную и живую картину извѣстной стороны монастырской жизни того времени, какъ напр., въ первой главѣ описаніе физической природы дикаго сѣвера, а во второй—описаніе языческихъ вѣрованій, нравовъ и обычаевъ русскихъ инородцевъ, языкъ—вполнѣ литературный, направленіе—доброе. Для полученія степени кандидата богословія сочиненіе очень удовлетворительно“.

26) О сочиненіи студента Михаила Омеляновича подъ заглавіемъ: „Значеніе сочиненія Петра Скарги *Żywoty Świętych* въ южно-русской житійной литературѣ“.

а) Заслуженнаго ординарнаго профессора В. Маливина:

„Сочиненіе студента Омеляновича состоитъ изъ краткаго предварительнаго замѣчанія, введенія и трехъ главъ изслѣдованія.

Предварительное замѣчаніе говоритъ о новизмѣ изслѣдованія источниковъ и судьбы южно-русскихъ житій святыхъ, о трудности пользованія рукописнымъ матеріаломъ, съ которымъ автору пришлось имѣть дѣло,—трудности, которая не могла не отразиться на времени обработки самого текста сочиненія,

Введеніе называетъ первоисточники, исключительно рукописные, состоящіе изъ 7 рукописей, и пособия, исключительно иноязычныя, почти исключительно польскія.

Задача изслѣдованія—указать вліяніе названнаго сочиненія Скарги на южно-русскія житія святыхъ и южно-русскую поучительную литературу.

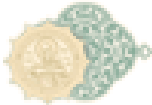
Въ главѣ первой прежде всего представлена краткая біографія Петра Скарги, по мнѣнію автора, человека не только исключительнаго по своему дарованію, но даже геніальнаго. Біографія составлена единственно на основаніи польскихъ пособій, а потому носитъ строго хвалебный тонъ. Затѣмъ авторъ переходитъ къ указанію побужденій, вызвавшихъ написаніе Скаргою „житій святыхъ“ на польскомъ языкѣ: отсутствіе этихъ житій и желаніе содѣйствовать привлеченію и возвращенію въ лоно католической церкви отщепенцевъ. Авторъ приводитъ восторженные отзывы о трудѣ Скарги польскихъ историковъ литературы, въ томъ числѣ и извѣстнаго поэта Мицкевича; говоритъ о необыкновенномъ успѣхѣ сочиненія Скарги въ польскомъ обществѣ и перечисляетъ многочисленныя его изданія, всего до 27, причемъ указываетъ годъ и особенности каждаго изданія. Самъ авторъ пользовался 12 мъ изданіемъ, 1626 г., снабженнымъ наставленіями Скарги малолѣтному королевичу Владиславу. Житія въ этомъ изданіи занимаютъ свыше 1100 страницъ. Сочиненіе это было плодомъ 32-лѣтняго труда Скарги. Нашъ авторъ полностью приводитъ въ переводѣ на русскій языкъ обширное и краснорѣчивое введеніе, предпосланное Скаргою своему сочиненію. Цѣль этого введенія—объяснить читателю значеніе и назначеніе житій св. На бѣлорусскій языкъ сочиненіе Скарги переведено Іоанникіемъ Голятовскимъ, ректоромъ Кіевской Академіи, но неполностью, а съ пропусками.

Глава вторая содержитъ „разборъ историческихъ рукописныхъ памятниковъ южно-русской житійной и поучительной литературы“. Первою рукописью, подлежащею разбору нашего

автора, служить рукописная южно-русская Четвь Миней XVII в., въ настоящее время хранящаяся въ Кіево-Софійской бібліотекѣ подъ № 735. Рукопись содержитъ житія святыхъ съ сентября по февраль мѣсяцъ, связана была изъ разбитыхъ листовъ, а потому житія слѣдуютъ не въ порядкѣ, нѣкоторые листы утрачены. Сличеніе содержащихся здѣсь житій съ сочиненіемъ Скарги не оставляетъ сомнѣнія въ дословности перевода большинства житій изъ Скарги, въ немногихъ, рѣдкихъ случаяхъ встрѣчаются передѣлки, напр., житія Іоанна Милостиваго (стр. 92). Встрѣчаются интересные пропуски. Такъ напр., пропущено извѣстіе Скарги о томъ, что тѣло Св. Іоанна Златуста покоеся въ Римѣ, въ храмѣ св. Петра (стр. 95), или разсужденіе о князѣ апостоловъ св. Петрѣ въ житіи св. Климента (стр. 99).

Второй рассмотрѣна рукописная южно-русская Четвь-Миней второй половины XVII в., хранящаяся также въ Кіевской Софійской бібліотекѣ подъ № 129. Она содержитъ житія св. съ марта мѣсяца по августъ включительно. О житіяхъ этой рукописи авторъ дѣлаетъ общее замѣчаніе, что большая часть ихъ дословно взята у Скарги въ переводѣ на южно-русскій языкъ. Въ житіяхъ Григорія, папы Римскаго, слѣдано опущеніе разсужденія Скарги о церковныхъ обрядахъ, отличныхъ въ церкви римской по сравненію съ православною. Въ житіи Аѳанасія Александрійскаго опущено то мѣсто изъ Скарги, гдѣ послѣдній настойчиво распространяется о власти папы Юлія, потребовавшего на судъ къ себѣ восточныхъ еписковъ, виновныхъ въ изложеніи св. Аѳанасія Александрійскаго (стр. 165—166). Житіе св. Ап. Петра значительно сокращено; опущены тѣ мѣста, въ которыхъ рѣчь идетъ о верховенствѣ св. Ап. Петра (190—191). Такой же передѣлкѣ подверглось и житіе св. Ап. Павла (187—198). Въ житіи Ев. Матѳея опущены мѣста, касающіяся первенства Ап. Петра среди другихъ апостоловъ (стр. 213).

Третья рукопись, изученная авторомъ, есть Лаврская Четьи-Минея, № 155. конца XVII или начала XVIII в. Въ ней содержится житія святыхъ съ марта по августъ включительно, слѣдов. въ составѣ предыдущей рукописи. Сличеніе этой Четьи-Минеи съ книгою Скарги не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что текстъ ея пошелъ изъ того же источника; только заимствованія изъ Скарги сдѣланы полнѣе. Приемъ сокращенія и пропусковъ одинъ и тотъ же, т. е. опускаются мѣста житій Скарги, составляющія проповѣдь главенства папы и необыкновеннаго величія римской церкви въ ряду другихъ христіанскихъ церквей. Самый составъ житій нѣсколько иной; сдѣланы добавленія житій, неизвѣстныхъ въ софійской рукописи.

Четвертую рукопись, изученную авторомъ, составляетъ прологъ второй половины XVII в., хранящійся въ Киево-Софійской бібліотекѣ подъ № 130. Содержитъ онъ житія святыхъ съ марта по августъ включительно. Сличеніе текста этой рукописи съ житіями Скарги привело автора къ заключенію въ дословномъ переводѣ на южно русскій языкъ большинства житій Скарги. Исключеніе составляютъ житія Киево-Печерскихъ святыхъ. Пропуски и сокращенія текста Скарги удерживаютъ тѣ же особенности, какія отмѣчены нами и въ разсмотрѣнныхъ нами ранѣе Четьи-Минейхъ. Нельзя однако не сдѣлать одного, какъ мы думаемъ, существеннаго замѣчанія. Кромѣ сличенія проложныхъ житій съ текстомъ Скарги, а можетъ быть и ранѣе этого, слѣдовало бы сдѣлать сличеніе текста пролога съ текстомъ указанныхъ выше Четьи-Миней. Необходимо выяснить, не явился ли текстъ проложныхъ житій черезъ воспроизведеніе текста Четьи-Миней, а не текста Скарги непосредственно.

Пятая рукопись, которою воспользовался авторъ диссертации, есть „наука христіанская“, рукопись Киево-Софійской бібліотеки, писанная въ концѣ XVII в. Большую часть текста составляютъ поученія на весь годичный кругъ, а въ концѣ помѣщено 18 житій святыхъ, текстъ которыхъ, по заключенію

автора, составляет переложение на разговорный южно-русский язык текста житий Скарги.

Глава третья сочинения студента Омеляновича имѣетъ задачей выяснить „значение *Żywoty Świętych*“ и перевода этой книги въ южно-русской житейной и поучительной литературы“. Съ этой цѣлю авторъ сравниваетъ трудъ Скарги съ южно-русскими житіями по ихъ взаимной тенденціи. Скарга несомѣнно руководился при составленіи своей книги пропагандой величія и превосходства римскаго католицизма въ ряду другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій и церквей. Ту же цѣль явно преслѣдуютъ и составители сборниковъ житій южно-русскихъ святыхъ. Они не только систематически опускаютъ полемическія мѣста житій Скарги, но наоборотъ обстоятельно выясняютъ, что большинство святыхъ принадлежать вселенской церкви.

При всемъ томъ вліяніе труда Скарги на южно-русскую житійную и поучительную литературу было очень велико и простиралось на самый языкъ памятниковъ. Не говоримъ уже о языкѣ книги Іоанникія Голятовскаго, представляющей не только переводъ, сколько переписку русскими буквами польскаго текста Скарги; даже южно-русский языкъ остальныхъ житій носятъ явные слѣды подчиненія стилю Скарги. Мы не можемъ, впрочемъ, согласиться съ авторомъ, что въ южно-русскихъ сочиненіяхъ, не стоящихъ въ генетической связи съ трудомъ Скарги, обиліе польскихъ словъ обязано вліянію того же Скарги. Дѣло происходило разумѣется проще: рѣчь южно-русскихъ книжниковъ того времени вообще пестрѣла польскими словами, какъ сѣверно-русская XVIII в. голландскими, нѣмецкими и французскими словами.

Общее наше заключеніе о сочиненіи студента Омеляновича таково: трудъ усердный, кропотливый, во 2-й и 3-й главахъ исполнѣ самостоятельный, научно-цѣнный. Стилъ требуетъ

исправленія. Для полученія степени кандидата диссертация вполнѣ удовлетворительна“.

б) Ординарнаго заслуженнаго профессора Н. Петрова:

Предметъ, избранный авторомъ для своего изслѣдованія, совершенно новый и неразработанный въ нашей ученой литературѣ. До послѣдняго времени вовсе неизвѣстно было даже о какомъ-либо вліяніи *Żywotów Świętych* П. Скарги на южно-русскую житійную литературу XVII и XVIII вв. Автору пришлось не только изучить *Żywoty Świętych* П. Скарги въ связи съ его біографіей, но и анализировать цѣлую серію южно-русскихъ рукописныхъ сборниковъ XVII и XVIII вв., отыскивать въ нихъ слѣды вліяній помянутаго сочиненія Скарги и дѣлать заключительные выводы о размѣрахъ и глубинѣ этихъ вліяній. Соответственно этому, рассматриваемое сочиненіе состоитъ изъ введенія, въ которомъ указываютъ его источники, пособія и планъ работы, и трехъ главъ самаго сочиненія. Въ первой главѣ сообщаются краткія предварительныя свѣдѣнія о жизни Петра Скарги, его сочиненія *Żywoty Świętych*, количествѣ его изданій, источникахъ, учено-литературномъ характерѣ и переводѣ значительной части этого сочиненія Скарги Іоанникіемъ Голятовскимъ на тогдашній южно-русскій книжный языкъ. Вторая глава заключаетъ въ себѣ „разборъ историческихъ рукописныхъ сборниковъ южно-русской житійной и поучительной литературы“. Такихъ сборниковъ, независимо отъ перевода І. Голятовскаго, рассматривается здѣсь пять, а именно: одинъ списокъ Четы-Мисей за сентябрьское полугодіе, два списка ея за мартовское полугодіе, прологъ конца XVII или начала XVIII в. и „Наука христіанская“ священника Силона Тимофеевича, 1670 года. Каждый изъ этихъ сборниковъ авторъ рассматриваетъ подробно, сличаетъ заключающіяся въ нихъ житія съ соответствующими житіями въ сочиненіи Петра Скарги и ука-

зывает сходство и различіе между ними, это—самая важная, центральная—часть работы автора, весьма полезная для будущего изслѣдователя въ этой области, но скучная для не спеціалиста. Третья заключительная глава носить такое заглавіе: „Значеніе Żywotów Świętych и перевода этой книги въ южно-русской житійной и поучительной литературѣ“. Здѣсь авторъ дѣлаетъ общіе выводы изъ тѣхъ спеціальныхъ сочиненій и вообще изслѣдованій, которымъ посвящена вторая глава сочиненія. Цѣль заимствованій составителями южно-русскихъ сборниковъ житій святыхъ изъ Скарги, по мнѣнію автора, состояла въ томъ, чтобы, въ противоположность Скаргѣ, указать обиліе святыхъ въ восточной православной церкви, при чемъ составители сборниковъ заимствовали у Скарги только житія древнихъ святыхъ, жившихъ до раздѣленія церквей, часто опускали изъ Скарги тенденціозные ультро-католическіе его взгляды и мнѣнія, мѣстами дополняли и исправляли Скаргу, на основаніи православныхъ источниковъ. Въ пяти сборникахъ, кромѣ перевода І. Голятовскаго, авторъ насчиталъ до 222 житій, заимствованныхъ изъ сочиненія Скарги. Повидимому, авторъ предполагаетъ, что всѣ эти пять сборниковъ представляютъ изъ себя различныя редакціи позаимствованій и переводовъ изъ Скарги, дѣлавшихся ими самостоятельно, независимо другъ отъ друга. Въ этомъ отношеніи авторъ пытается установить нѣкоторую прогрессивность въ развитіи народнаго южно-русского элемента въ этихъ редакціяхъ. По его взгляду, ниже всего стоитъ болѣе ранній переводъ изъ Скарги, сдѣланный І. Голятовскимъ, такъ какъ этотъ переводъ представляетъ только южно-русскую транскрипцію польскаго текста Скарги. По мнѣнію автора, этотъ переводъ не имѣетъ никакого значенія для другихъ южно-русскихъ житійныхъ и поучительныхъ сборниковъ XVII—XVIII вв. Последніе, представляя изъ себя самостоятельныя редакціи, чѣмъ позднѣе, тѣмъ болѣе популярно изложены тогдашнимъ книжнымъ южно-русскимъ языкомъ. Лучшимъ изъ нихъ счи-

тается сборникъ священника С. Томооевича „Наука христіанская“ 1670 года. Въ свою очередь, переводныя изъ Скарги житія оказали воздѣйствіе на переводъ и другихъ житій, заимствованныхъ не изъ Скарги, а изъ православныхъ русскихъ источниковъ, на тогдашнюю простонародную малорусскую рѣчь.

Изъ переданной схемы сочиненія нельзя не видѣть, что оно расположено въ естественномъ порядкѣ, въ связи и послѣдовательности, и обнимаетъ свой предметъ со значительною полнотою и обстоятельностью. При этомъ можно указать только нѣкоторые несущественные недостатки и опущенія. Въ первой главѣ своего сочиненія авторъ, пользуясь почти исключительно польскими источниками, въ переводѣ ихъ иногда допускаетъ полонизмы, напр., „обходить память“ вмѣсто совершаетъ (стр. 59), „одержали“ вмѣсто получили (стр. 61) и др. Во второй главѣ авторъ отмѣчаетъ только сходства и разности между подлинникомъ Скарги и переводами изъ него, и хотя иногда въ общихъ чертахъ указываетъ на дополненія и позаимствования изъ мѣстныхъ православныхъ источниковъ, но точно не опредѣляетъ этихъ послѣднихъ, не считая это прямымъ своимъ дѣломъ. А между тѣмъ эти мѣстные православные источники (Четь-Минея, прологи, отдѣльныя житія), по всей вѣроятности, служили для составителей сборниковъ коррективомъ при ихъ позаимствованияхъ и переводахъ изъ Скарги. Едва-ли можно согласиться и съ мнѣніемъ автора о томъ, будто-бы каждый изъ обозрѣваемыхъ имъ рукописный сборникъ представляетъ изъ себя особую редакцію, а не списокъ только одной и той же редакціи. Авторъ устанавливаетъ эти редакціи только на основаніи состава или количества статей, извѣстныхъ сборниковъ; а не на основаніи текста повторяющихся въ различныхъ сборникахъ статей. Между тѣмъ, въ разныхъ сборникахъ повторяющіяся отдѣльныя житія нѣкоторыхъ святыхъ принадлежатъ, повидимому, къ одной редакціи, какъ напр., житіе Алексія, челоуѣка

Вожія, въ обонхъ спискахъ Четьи-Миней за мартовское полугодіе (стр. 140—230), житіе преподобной Маріи Египетской въ одномъ спискѣ Четьи-Миней за мартовское полугодіе и въ Прологѣ (стр. 151 и 256). Въ третьей, заключительной главѣ результаты изслѣдованія изложены слишкомъ кратко и въ общахъ только чертахъ и не развиты съ надлежащею полнотою, вѣроятно по недостатку времени.

„Въ общемъ сочиненіе можетъ быть названо очень удовлетворительнымъ“.

27) О сочиненіи студента *Михаила Орлова* на тему: „Клятва (и присяга) у древнихъ евреевъ въ библейское и небиблейское время“.

а) Доцента священника А. Глаголева:

„Небольшое по объему (128 страницъ), сочиненіе студента Орлова въ достаточной поднотѣ захватываетъ свой предметъ и трактуеть его съ удовлетворительною обстоятельностью. Послѣ краткаго, но содержательнаго введенія о всеобщности, древности и природѣ или сущности клятвы вообще (стр. 3—18), въ первой, общей части изслѣдованія (стр. 19—63) рѣшаются общіе, принципиальные вопросы о клятвѣ собственно у евреевъ; устанавливается филологическій смыслъ еврейскаго термина клятвъ—*Schevuah*; констатируется существенно религіозный характеръ древне-еврейской клятвы, ея общераспространенность, историческія судьбы у евреевъ; во второй, частной (стр. 64—126), дѣлается общая классификація и частное подраздѣленіе древне-еврейскихъ клятвъ, подробно рассматриваются отдѣльные виды клятвъ, описываются обряды и формулы клятвъ, особенно подробно изложенъ обрядъ „ревнованія“ (Числ. 5 гл.). Въ заключительномъ резюме сжато повторяются главныя положенія изслѣдованія. Въ содержаніи сочиненія отмѣтимъ двѣ, несприятно поражающихъ читателя, неточности: 1) явно пара-

доксальное заявленіе автора (стр. 79), будто древне-еврейское судопроизводство допускаетъ свидѣтельскія показанія лишь въ пользу подсудимаго: сама собою очевидна полная несообразность этого утвержденія; 2) археологическою же неточностью является и опредѣленіе (стр. 114) кетубы какъ „нажитаго женою совмѣстно съ мужемъ имущества“: въ дѣйствительности „кетуба“ есть опись или роспись приданнаго, принесеннаго невѣстою своему мужу при бракѣ (ср. *סוּרְרָאפִי* Тов. 7, 13).

Изложеніе—литературное. Сочиненіе читается легко и не безъ интереса. Для степени кандидата богословія сочиненіе удовлетворительное“.

б) Заслуженнаго экстраординарнаго профессора І. Королькова:

„Авторъ въ введеніи своего сочиненія представляетъ краткій историческій очеркъ возникновенія и употребленія клятвы у древнихъ народовъ—египтянъ, арабовъ, грековъ.

Въ *первой* главѣ авторъ устанавливаетъ филологію у древнихъ евреевъ и показываетъ значеніе клятвы у древнихъ евреевъ въ различные періоды ихъ исторіи.

Во *второй* главѣ г. Орловъ разсматриваетъ два вида древнееврейской клятвы: 1) асерторическая клятва, къ сему относится: а) судебная очистительная присяга по иску о поклажѣ, б) клятва ревнованія или судебная очистительная присяга соты (подозрѣваемой въ измѣнѣ); г) промиссорическая клятва, къ чему относится: а) свидѣтельская присяга, б) клятва вѣрности. Въ этой же главѣ авторъ разсматриваетъ священныя формулы клятвы и излагаетъ древнееврейскія клятвенныя обряды. Въ заключеніи (у автора резюме) г. Орловъ вкратцѣ повторяетъ тѣ положенія, которыя онъ развивалъ въ своемъ сочиненіи.

Авторъ представилъ довольно полный и обстоятельный очеркъ употребленія клятвы у древнееврейскаго народа. Источ-

никами для него служили священныя книги Ветхаго Завета, а также труды Іосифа Флавія, Филона, талмудистовъ и др. Сочиненіе автора изобилуетъ ссылками и цитатами Св. Писанія. Въ нѣкоторыхъ листахъ этими ссылками наполнены цѣлыя строки подъ рядъ, такъ что читатель долженъ самъ отыскивать извѣстныя мѣста изъ Св. Писанія или другихъ писателей христіанскихъ и языческихъ. чтобы судить, — о чемъ именно въ нихъ говорится (см. стр. 7, 8, 25, 35, 36, 42, 65, 66, 77, 94).

Полезнѣе было бы, если бы авторъ вмѣсто многихъ обшихъ ссылокъ приводилъ (хотя бы подъ строкою) не многія, болѣе характерныя изреченія Св. Писанія о древне еврейской клятвѣ. Нѣкоторыя ссылки автора на извѣстнаго писателя такъ глухи и общи, что по нимъ трудно провѣрить то или другое изреченіе о древне-еврейской клятвѣ (напр., ссылка на Августина, Амвросія, Арповія, преосв. Филарета, митрополита Московскаго, даже на Іосифа Флавія, см. стр. 109, 110 и др.).

Цельзя также не поставить на видъ автору, что онъ пользуется переводами очень архаическими, напр., цитуетъ Геродота въ переводѣ Нартова (и то, кажется, по указанію г. Машанова), изданномъ во второй половинѣ 18 вѣка, а Іосифа Флавія, древности іудейскія въ переводѣ свящ. М. Самуилова, изданномъ также во второй половинѣ 18 вѣка, тогда какъ эти писатели изданы въ переводахъ на русскій языкъ въ концѣ 19 вѣка.

Несмотря на эти внѣшніе недочеты сочиненія, трудъ г. Орлова серьезный, кропотливый и добросовѣстный, заключающій въ себѣ множество цѣнныхъ фактовъ изъ жизни еврейскаго народа касательно употребленія клятвы. Его ссылки на Св. Писаніе и другихъ писателей (напр., Омира Иліаду и Одиссея) вполне отвѣчаютъ (на сколько мы провѣрили) той мысли, въ подтвержденіе которой онѣ приводятся.

Языкъ сочиненія хотя и не чуждъ нѣкоторыхъ неровностей и шереховатостей, но въ большей части — ясный, правильный.